

ДЕСЯТЬ
СКАЗОК
СЛАДОШКУ

Министерство культуры Свердловской области
Свердловская областная межнациональная библиотека

ДЕСЯТЬ СКАЗОК С ЛАДОШКУ

сборник работ участников
Международного литературного конкурса
малой прозы «ЭтноПеро» 2022

Номинация «Литература для детей»

Екатеринбург
2022

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос)6

Д37

Д37 **Десять сказок с ладошку** : сборник работ участников Международного литературного конкурса малой прозы «ЭтноПеро», 2022 : номинация «Литература для детей» / Министерство культуры Свердловской области ; Свердловская областная межнациональная библиотека ; составитель Е. Д. Бондаренко. – Екатеринбург : СОМБ, 2022. – 134 с. – Текст : непосредственный.

ISBN 978-5-907680-18-0

В сборник включены работы победителей Международного литературного конкурса малой прозы «ЭтноПеро» за 2022 год в номинации «Литература для детей и работы, вошедшие в короткий список. Рассказы печатаются в авторской редакции.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-907680-18-0

© ГБУК СО «СОМБ», 2022

© Коллектив авторов, тексты, 2022

© Бондаренко Е. Д., составитель, 2022

© Печерских Н. А., художник, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя	4
Рецензия на рассказ Ольги Апреликовой «Иди домой»	7
Ольга Апреликова «Иди домой»	10
Рецензия на рассказ Гульшат Абдеевой «Гульназ и Шурале»	26
Гульшат Абдеева «Гульназ и Шурале»	28
Рецензия на рассказ Игоря Кощеева «Медведь и хитрый Ворон»	39
Игорь Кощеев «Медведь и хитрый Ворон» (северная почти сказка)	41
Ирина Кирилова «Динарик»	58
Светлана Богданова «Десять сказок с ладошку»	83
Александр Козлов «Свистун (поездка на ярмарку)»	92
Рауза Хузахметова «Димка хочет подрасти»	104

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

В традициях разных народов нередко встречаются легенды о волшебных самоцветах. Найдешь такой – и станешь самым богатым, или мудрым, или счастливым на земле. Добыть такое богатство, конечно, непросто, пока доберешься, стопчешь двадцать железных башмаков, обхитришь Бабу-Ягу да еще и Дракона победишь. Но зато возьмешь в руки сказочный камень, заглянешь в него – и дыхание перехватит от восторга.

Читая детские рассказы пятого сборника Международного конкурса малой прозы «Этноперо», словно смотришь на мир сквозь тот самый волшебный кристалл. Свет преломляется тысячью граней, мир разлетается в руках тысячью историй...

Сверкнул луч – и вот ты в башкирском лесу, дрожишь от страха и восторга перед хитрецом и обманщиком Шурале и вместе с главной героиней рассказа, городской девочкой Гульназ, придумываешь, как же выманить у него древний амулет, тамгу («Гульназ и Шурале», Г.Г. Абдеева).

Не успел оглянуться – и ты уже в другом лесу, новгородском. Северном, суровом, но тоже прекрасном. В траве горят огоньками морошка и брусника, прячутся под деревнями боровики и лисички, а из-за кустов выходят сказочные девочки-ягодки – Мустика, Хилла, Пуолукка. Девочки пришли подружиться с грустным русским мальчиком, которому одиноко в мире, где отец всегда занят, а мачеха говорит нерусскими словами. Подружиться – и напомнить, что даже если вместе с именем потерял самого себя, то главное – вернуться домой («Иди домой», О.С. Апреликова).

А вот и еще один лес – совсем суровый и страшный, зимний. В нем, говорят, живет опасный Свистун. Мальчик Егорка едет с родителями с первой ярмарки. И вдруг что-то словно толкнуло его под бок: так захотелось ему встретиться со Свистуном! Только вот закончится ли эта встреча добром? («Свистун», А.Н. Козлов)

Повернем кристалл другой гранью – и вот мы уже на юге, перед нами бескрайняя казахская степь, по степи едет, торопится машина, а в ней женщина и девочка в тюбетейке на голове. Девочку зовут Динарик, и она навсегда прощается со своей родиной. И еще не знает, что там, куда она едет, в Астрахани, ждут ее новые друзья – русская Даша и татарочка Дина – и они с интересом будут слушать истории про казахские традиции, а в ответ расскажут свои. А главное – там, в Астрахани, очень ждет бабушка. А кто лучше, чем бабушка, умеет рассказывать сказки? («Динарик», И.Л. Кириллова)

Детская дружба – воспоминания, которые человек хранит в сердце всю жизнь. Динарик всю жизнь будет помнить Дашу и Дину, не забудут друг друга и герои другого рассказа, Федька и Димка, делившие напололам ягоды и радости, пирожки и тревоги («Димка мечтает подрасти», Р.М. Хузахметова).

Новая грань кристалла – и мы попадаем напрямик в сказку, да не куда-нибудь, а на Камчатку. Главный герой сказки, Медведь, проснувшись от зимней спячки, сидит на берегу моря и ловит рыбу, а завистливые Ворон, Коршун и Сорока обдумывают хитрый план, как обмануть доверчивого добряка Медведя. Но, как в настоящей сказке, добро, конечно, побеждает («Медведь и хитрый Ворон», И.И. Кошесв).

А другая грань рассыпается сверкающими историями старого вогула Саввы: про гагар и Сыгву, про человека без сердца, про злодея Парыпарсега и про сказочную страну Энкырму («Десять сказок с ладошку», С.М. Богданова).

Сверкают грани, переливаются, сменяют одна другую: вогулов сменяют башкиры, а карелов – новгородцы, а все вместе создают волшебный кристалл дружбы, памяти, принятия и взаимопонимания. Возьмешь такой в руки – и приобретешь бесценное богатство.

ПЕРВОЕ МЕСТО

РЕЦЕНЗИЯ

на рассказ Ольги Апреликовой «Иди домой»

Рассказ Ольги Апреликовой переносит читателя на сотни лет назад в далекую и суровую эпоху новгородских ушкуйников, в глубокую новгородскую деревню. В этой деревне живут рядом карелы, вепсы и русские. Живет в ней и мальчик Пойко.

«Кто я?» – думает герой рассказа Ольги Апреликовой, который и имени своего не помнит, никто давно не называет его по имени. «Пойко», – так зовет его мачеха, «нерусская баба», которую взял отец после смерти мамы «за горсть гвоздей да телушку», да и отец тоже вслед за ней. Пойко – это по-фински «мальчик».

А мальчик тоскует по маме, по ее ласке, а еще – по родному языку. Мачеха-то не обижает, кормит хорошо. И отец любит Пойко, только дел и забот у него уж очень много. В молодости он жил в Новгороде, был ушкуйником¹, да

¹ Ушкуйник – в Древней Руси вольный человек, совершавший набеги с вооружённой дружиной и промышлявший на ушкуях (больших парусных ладьях) на Волге и Каме.

только, говорит, «душа устала» ушкуйничать, вот и уехал в деревню. Зарабатывает тем, что кует крючки, багры для карел и вепсов, а порой и боевые топоры и доспехи для знакомцев-ушкуйников. Времена непростые: «Москва в Новгород пришла, душно там стало».

За утешением Пойко приходит в лес. Родной, известный до каждой кочки, лес-кормилец. Описания леса в рассказе полны любви и грубоватой, смущенной, мальчишеской нежности: «Бор уходил в зеленое хвойное небо золочеными стволами, стелил белые и желтые скатерти мхов». Лес всегда принимает Пойко гостеприимно, раскрывает перед ним свои дары: боровики да бруснику, красноголовики да морошку. Так доверяет мальчику лес, что знакомит его и со своими особыми жителями – девочками-ягодками, Мустикой, Хиллой, Пуолуккой, и даже с хозяином леса, Стариком, Тапио в образе черного ворона. «Ягодки» сразу очень приглянулись Пойко. Веселые, нарядные, чудные такие. И заботливые! Мигом вся печаль прошла. Впервые Пойко пожалел, что не знает «мачехино» языка.

Северные «ягодки» становятся своеобразными проводниками героя в большой мир, а еще – что не менее важно – в мир чуждой мальчику культуры, с которой его свела жизнь и принимать которую он отказывался прежде. После встречи с Мустикой (у которой глаза «как у бати»), Хиллой и малышкой Пуолуккой Пойко постепенно начинает сближаться с мачехой, повторять неведомые слова, идти навстречу новому опыту взаимоотношений.

Когда в первый раз «ягодки» прощаются с Пойко, Мустика вздыхает и говорит: «Мене котиин». «Иди до-

мой». Пойко, сам не зная зачем, дарит ей грибок и получает ответный подарок. Так скрепляются узы дружбы.

Мальчик встречает лесных девочек и духа леса еще дважды: во время летней охоты, когда он спасает маленькую Пуолукку в облике зайчика из злодейского капкана, и еще раз, в предзимье, вскоре после приезда новгородских «знакомцев», бегущих от московских притеснений в Новгороде. Всякий раз, прощаясь, Мустика говорит ему: «Мене котин». Но если сначала она указывает рукой куда-то в сторону Новгорода, то в последний раз, расставаясь, вероятно, насовсем (они вместе с Тапио уходили на север, в Тапиолу, домой), Мустика показала за спину Пойко, точно в сторону хутора: «Мене котин, Пойко! Хувясте!» Пойко больше не был чужаком на этой земле, он теперь знал ответ на вопрос, куда ему идти, где его место. Теперь он был здесь хозяином и оставался в ответе за эту землю. А лесные духи, подарив юноше на прощанье его сокровенную мечту, друга, собаку, отправились домой. К себе домой.

«Кто я? Куда я иду? Где мое место?» – эти вопросы неизбежно встают перед каждым человеком в юности, и каждый человек должен сам себе дать на них ответ. Иногда поиск ответа длится всю жизнь... Главное, наверное, не отчаиваться, а идти вперед и искать. А в минуты сомнений слышать в сердце твердые слова: «Мене котин». «Иди домой».

Ольга Апреликова

ИДИ ДОМОЙ

Продравшись через ольху и черемуху, через колючие елки, топча маслята и волнушки, Пойко² выскочил в бор и, слепой от слез, упал в белый мох. Малой был – так к мамке на колени падал. Мамка померла, так батя взял в жены нерусскую бабу – за горсть гвоздей и телушку. Она была не злая, Пойко кормила как батю, сытно, мол, работник растет, но все у ней было не по-мамкиному и по-людски она не говорила. Пойко уж и забыл, как его зовут, все «Пойко» да «Пойко», а это, батя сказал, просто «мальчик». Батя и сам уж так его и зовет.

Шея болит после батиной выволочки... Обидно так-то...

В лоб больно упиралась старая сосновая шишка, щеку колол мелкий сучок. Пойко поднял голову, вытер слезы. Проморгался, шмыгая: вокруг, куда не глянь, торчали из седого мха крепкие боровые грибочки. Их уж наношено, засушено на всю зиму с лишком, но Пойко встал и, шмыгая, стал собирать грибы, выбирая самые крепенькие, небольшие. Сносил, набирая в подол рубахи, в грудку – вот наберет побольше, потом рубаху снимет и туда набьет одних шляпок. Шляпки были цветом как глаза у бати – ну, если, конечно, разглядеть, где они там, глаза-то, меж косматыми бровями и пегой бородой. И если он сам на тебя посмотрит.

² Мальчик (финск.)

Давно уж не смотрел, все только «беги туда» да «тащи это». Пойко и бегал, и таскал, и все делал, что велено, с утра до ночи. Вот только нынче, продрогнув поутру на рыбалке, пригрелся в кузне у бати, задремал, пока батя вышел, и за углями не следил – мехи не подкачивал, и горн потух. Батя что – навтыкал в загривок, обматерил. Батя так-то тоже не злой, делов у него просто полно. И кузня, и жито, и дров заготовить, и угля нажечь, и дичину на прокорм добыть – не разорваться. Одного Пойко в подмогу маловато. Ну, ничего, малые братики подрастут, подмога будет: их вон, белоголовых, мачехиных, двое сразу, одинаковых, как кочаны. Батя с ними тетешкается, как подковыляют. Мечи зимой им деревянные выстругал и щиты – как взаправдашние. Пойко малой был – батя и ему стругал. Где те игрушки-то? Ну, ничего, зато Пойко знает, где батин схрон с настоящими мечом и щитом. И шлем там есть, и рубаха тяжелая кожаная с нашитыми бляхами. Батя с Новгорода, ушкуйник. Он Пойко в позату зиму, когда мамка померла и они одне жили, из дров посреди избы прям весь Новгород сложил. По две дровины – прясла, чурочки – башни меж ними, а внутри, горшки да чашки – церкви да дома, щепки да стружки – кони да мужики. Скучал батя по Новгороду, да что-то не ехал туда, мол, в лесу вольнее. Хлеба только мало, худо хлеб растет. Ну, да зерна на посев да полосовое железо ему знакомцы с Новгорода привозили в обмен на пушнину, которую батя брал с карел да вепсов в обмен на крючки, багры да топоры, что в кузне ковал. Или сам в Ладогу на торг ездил. А знакомцам с Новгорода он и другие топоры ковал, страшные, боевые, и наконечники для стрел, для копий... Уключины для ушкучек... Но сам с ними больше не ходил ушкуйничать, говорил, душа устала, старый стал. А какой же он старый? Ворочает

вон в кузне, как медведь, соху таскает, которую Пойко и не сдвинуть, Бурку-конику по холке как хлопнет – так Бурка присядет...

Неплохо они жили так-то. Пирог мачеха раза два в неделю пекла... Набрать, что ль, черники ей на пироги? Вкусные пироги с черникой-то. Пойко высыпал грибы в груды: хватит или еще набрать? Влезет в рубаху-то? Можно еще, и он побежал глубже в бор. Бор уходил в зеленое хвойное небо золочеными стволами, стелил белые и желтые скатерти мхов. И боровики на тех скатертях, и маслята с красно-головиками, и брусника вон поспевает... Ой!

Перед ним испуганно выпрямилась девчонка. Небольшая, как сам Пойко. Только одета чужо: не сарафанишко, а юбка с кофтой, черничного цвета. Богато одета-то, сухо добротное, и вон, по черничному полю листики вышиты, каемки всякие, ленты в косах и буски на шее в три ряда, и на ногах ботики узорчатые. Не русская, видно. Карелка или кто... Пойко буркнул по-мачехиному:

– Терве³.

Девчонка улыбнулась и тихонько ответила:

– Терве.

И тут из-за низких елок выбежала еще девчонка, помладше, сама рыжая и вся в рыжем, как морошка:

– ...Пойко! Ай, Пойко!

– Ну да, Пойко я, – ткнув в себя пальцем, проворчал Пойко, наклонился и сорвал гриб. – А вы кто?

³ Здравствуй (финск.)

Девчонки его поняли. Рыжая-конопатая даже засмеялась и ткнула в сестру пальцем:

– Мустика⁴!

А сестра показала на нее:

– Хилла⁵! – и еще ткнула пальцем вниз и в сторону, под елки: – Пуолукка⁶!

Там сидела на мху совсем маленькая девчонка, беленькая-беленькая, даже в глазах у нее не было цвета, только зрачки как черные дырочки. Чудь белоглазая, как батя про таких говорил. А платье розовое, ботики красные, а рукава – белые в прозелень. Пойко догадался:

– Брусника! – сорвал из-под лаптей кисточку брусники, в которой были и малиновые, и красные, и розовые с белым бочком ягодки, и даже зелененькая одна, как бусинка: – Вот!

Девчонки обрадовались, засмеялись, закивали. Пойка удивленно повторил:

– Мустика, Хилла, Пуолукка! Черника, Морошка, Брусника! Все ягоды хорошие такие! Марьят⁷!

– Марьят, – важно кивнула маленькая Пуолукка.

– Откуда ж вы взялись тут? – наконец задумался Пойко.

Дня на два пути во все стороны от их хутора жилья, кажись, не было. Пойко даже думал, что батя поселился так

⁴ Черника (финск.)

⁵ Морошка (финск.)

⁶ Брусника (финск.)

⁷ Ягоды (финск.)

далеко от людей потому, что люди на него тоску наводили. Но девчонки-то эти нарядные нерусские откуда взялись? Мож, с родителями пришли у бати пушнину на железо менять? Да ни карелы, ни вепсы, ни чудины сроду по лесу такими нарядными не ходили... И девчонок за собой по лесу не таскали!

– Кто вы?

– Марьят, – снова сказала Пуолукка.

Мустика протянула руку и вытерла забытые слезы со щеки Пойко, улыбнулась. И Пойко впервые пожалел, что не перенимал у мачехи все ее слова нерусские. А то б сейчас все вызнал у девчонок, подружился бы. Хорошие девчонки такие. Ягодки, да.

Вдруг громко каркнул плавно пролетевший ворон. Громадный, Пойко знал, что он тут живет, на бору. Батя называл ворона «Старик», а мачеха – «Тапио⁸». Ворон сделал круг над ними и снова каркнул – зло, сердито. Пуолукка схватила рыжую Хиллу, морошку, за руку и потянула в бор, что-то лопоча. Хилла улыбнулась Пойко уже скучая, будто незряче, и за руку с сестренкой побежала в бор. Только пяточки рыжие и красные мелькали из-под подошв. Мустика вздохнула легонько и сказала:

– Мене котиин⁹.

Эти слова Пойко знал, так мачеха звала их с батей домой из кузни. Они это и значат: «Иди домой». Пойко зачем-то протянул Мустике гриб. Она засмеялась, взяла гриб,

⁸ Бог леса

⁹ Иди домой (финск.)

присела, сорвала другой грибок, крепенький, как игрушка, сунула Пойко. И побежала догонять девчонок.

Пойко почесал затылок и пошел к своим грибам. Ему было тревожно, удивительно и немножко страшно. По пути он все повторял:

– Мустика, Хилла, Пуолукка! Черника, Морошка, Брусника!

Припер грибы домой, выгрузил в сених и сказал выглянувшей мачехе:

– Мустика, Хилла, Пуолукка! Лесные девочки! Марьят!

Мачеха усмехнулась и сунула ему горячую, из печи, калитку¹⁰ с прошлогодней брусникой. Тогда Пойко пошел к батю и хотел рассказать про нарядных, как ягоды, девчонок среди леса, но батя тут же погнал по воду, потом дрова рубить, потом они поехали на засеку, где зимой батя хотел сделать новый пал и распахать лесную землю под рожь – и про девчонок Пойко вспомнил уж, когда засыпал. А может, они и в самом деле приснились? Ну, откуда посреди леса девчонки? А у Мустики глаза темные, как у батю... как боровые грибы...

По предзимью батя научил Пойко мастерить и ставить ловушки да петли, сделал лыжи – не такие годные, как у вепсов, но тож ничего, шустрые, и, как лег крепкий снег, хлопнул по плечу:

¹⁰ Вид ватрушки на ржаном тесте (сев., карел.)

– Давай, добытчик! Круг большой не ставь, до темноты чтоб вернулся! Об озеро да в Раягах¹¹, в оврагах в буреломе ставь, в корбе¹², как решили. Да сала с собой возьми, оголодаешь на морозе-то!

Давно все было оговорено, и Пойко, толкаясь шестом, как карел, бойко покатил на бор. В край бора – длинное озеро, по дальнему берегу – болото, а с домашнего берега в озеро впадают три ручья, Ближний, Райский и Дальний. По ручьям батя сам брал куниц да горностаев, но теперь ему работы в кузне – свету не видно, да засеку потихонку палить надо – охота с ловушками, сказал, как раз для Пойко дело, а ему забавляться некогда. И правда, некогда. Наверший да наконецников столько по осени знакомцы его увезли, что будто на войну. А мож, и правда на войну, мужики, ночью Пойко подслушал, говорили, что Новгород с Москвой какой-то воевать ладится... Что за Москва? Далекая земля... А тут – бор, рыжие стволы темную хвою высоко-высоко в белое небо подняли, подперли небо будто, чтоб снегом не сыпало. И так вон навалило...

Всю зиму Пойко везло. Чуть не каждый день пер он домой одного-двух зверьков. В основном, белок-дурочек да зайцев, да куниц. Конечно, горностаи-то похитрее будет, без собаки трудно его взять.

– Да где ж я тебе возьму собаку! – ругался батя. – Вот поеду в Ладогу, так будет разговор, мож, с карелами сторгуемся. Они этих ласк черно-белых знаешь, как берегут? Не

¹¹ В урочище, где протекает Райский ручей (сев. диалект)

¹² В чаще (сев. диалект)

допросишься! С рогатиной на медведя ходят с такой лайкой-то! Зверовые собаки, одно слово – зверовые! Собака – надежда, охотнику первый помощник. С ней и в мороз в лесу заночевать не страшно, не замерзнешь, и медведю она штаны оборвет, и белку выследит, и горностаю. Уймись, парень, жди.

А потом батя уехал с обозом знакомцев, в трое всего саней, торговать пушниной да мороженой рыбой, железо покупать – не в самый Новгород, в Ладогу – тоже не ближний свет. В кузне стало темно и холодно. Зарядили такие метели, что в лес и носа не высунешь. До колодца да до поленницы, вот и все походы. Да Бурку – через крытый двор пробежать – проведать. Когда от возни малых да мачехи Пойко становилось тоскливо, он уходил к Бурке, чистил его, чесал гриву, убирался у него да у коровы, чинил упряжь, скоблил сохнувшие шкурки. Хорошо, что батя на чужих санях поехал, Бурку не взял. Пойко рассказывал Бурке про лесных девчонок, про черно-белых карельских собак с острыми ушами и пушистым хвостом-кренделем. Будет собака – будет и охота, а так что – баловство мальчишечье, с петлями-то да сторожками... Когда делать становилось нечего, сидел около Бурки на ларе, выстругивал из березовой чурочки остроухих собачек. Бурка дышал теплом на руки, в соседнем стойле хрустела сеном старая корова, пахло пылью, навозом и, от сена – летом. Собачки получались все больше похожими на взаправдашных. Наконец, даже мачеха удивилась, когда Пойка сунул малым очередную деревянную собачку:

– Койра! Хаски койра¹³! – вздохнула, хотела потрепать Пойко по голове, но только снова вздохнула и села подбивать рукава его полушубка заячьими шкурками.

Как зазвенело синее небо солнышком, как закапало по полдням за окном с сосуллек – вернулся батя в новых санях, которые весело катила молодая, новокупленная соловая кобылка, привез железо, мачехе платок да отрез льна, а малым и Пойко – по прянику.

Кутенка остроухого – не привез.

Ну, так что жалобиться, мужику первое дело – лошадь, это парнишкам собака – утеха... Пойко ушел к Бурке строгать собаку из чурочки. Думал, придет батя, и Бурку с новой кобылкой – вон топчется, сенцо роняет – проведает, и какие-нибудь слова скажет, от каких на сердце полегче станет. Не пришел. Зато собака остроухая, из березы, легонькая, в пол-ладони, такая ладная получилась, что Пойко решил ее малым не отдавать. И так по всем углам и под лавками деревянные собаки валяются, так что эту сунул за пазуху.

Наутро, еще до свету, как обычно, Пойко тихонько собрался и покатилов ловушки проверять. Вчерашний день не проверял из-за бати, а последние зимние деньки, пока наст – дорогого стоят. Скоро все потает, потечет, ручьи вспухнут, озеро гудеть ночами будет, бухать пузырями подо льдом – какая уж тогда охота. Снег вон уже маслится, а об озеро – просел, потемнел... Вот растает озеро, прикатит весна – красна, тогда на гусей да утей сетки ставить можно будет... А

¹³ Собака! Собака лайка! (финск.)

там и рыбалка... Пойко совсем снял пару ловушек в сырых местах, побросал в мешок. Покатил дальше.

Ой!

Лиса! Рыжая, как закат, как морковка! Стоит, смотрит. Тявкнула, отскочила и снова смотрит. Ушки остренькие, как у лайки, темные на кончиках. Лиса шажок-другой сделала к Пойко и опять отскочила – будто звала. Пойка растерялся. Куда зовет-то? Чего ей? А может, это и не лиса вовсе? И только он этак подумал, как лиса свечкой подпрыгнула, перекувыркнулась в воздухе и покатилась по снегу рыжим кожаном одежек. Вскочила на ноги, и Пойко сразу узнал:

– Хилла! Морошка! Терве, Хилла!

Девчонка, испуганная, не улыбаясь, закивала, поманила рукой, мол, пойдём скорей! Удивляться диву дивному было некогда – слезы вон у дива в глазах.

– Помочь надо, – догадался Пойко. – Побежали, что ли?

И Хилла опять перекинулась лисичкой и помчалась по насту, изредка оглядываясь на катящего по своей старой лыжне с горки на горку Пойко. Вот и Раяги. Дальше? Дальше! Вот ручей Дальний – и лыжни-то дальше и нет! Чужой бор, незнамый, батя велел не соваться! Лисичка тявкнула, как упрашивая, робко совсем, и Пойко покатил дальше. По целиковому насту лыжи мчались ещё быстрее. Бор как бор вокруг, далеко справа – белое поле озера просвечивает, и горки такие же...

Сперва он не понял, что это такое белое мельтешит вокруг красного кома в овраге. Но цвет красного был не кровавый, не страшный, а – как брусника! И тут он и разглядел – это девчонка маленькая в крытом красным сукном тулупчи-

ке, а вокруг зайцы белые скачут, переминаются, перебегают, аж рябит в глазах от черных глазок, носов, черных точек на ушках. Истоптали все вокруг, даже лыжню. Чужую лыжню-то, с того края... Чья лыжня-то? Значит, там вот поблизости уж и живет кто-то? Пойко слегка струсил.

Ну и что, Брусничка – не добыча же. Чего она тут? А Брусничка-Пуолукка увидела его и заплакала, потянулась к нему ручонками в красных варежках – точно как малые братики, облилась слезами. И он увидел: одну ножку ее в узорчатом меховом сапожке зажали крепко-накрепко какие-то зубы железные. Вот как если б весь рот ободрать, одни челюсти оставить – страшно-то как! А белый заячий мех, опушка сапожка, намок красным – и совсем не брусничного цвета. Что ж делать-то? Он слез с лыж – зайцы отскочили в разные стороны – присел, разглядывая, как бы разжать эти железные челюсти. Острые-то какие... Лисичка Хилла села, прижалась к Пуолукке, а та еще горше заплакала. Пойко, чтоб не плакала пока, вытащил из запазухи березовую лайку, сунул ей, а сам побежал к ближней сосне, отломал нижний сук, вернулся. Сказал лисичке:

– Хилла, давай обратно превращайся! Руки нужны! Я разожму, а ты сунешь вот сбоку!

И Хилла послушно кувырнулась по снегу, подползла, обламывая наст, на коленках, схватила сук. Челюсти железные, тронутые ржой, были крепкие, сильные. Пуолукка молча плакала, обеими руками прижимая к лицу деревянную собачку. Долго Пойко не удавалось разжать пасть эту настолько, чтоб пролез сук, пока он не догадался сбегать за суком поменьше и сунуть сначала его, а уж потом Хилла ловко воткнула толстый, и челюсти, лязгнув, распались на две

половинки. Хилла помогла Пуолукке вытащить ножку, оттащила сестренку подальше, обняла.

Зло каркнул ворон. И тут же подскочила, откуда ни возьмись, большая черная волчица, толкнула Пойко носом в плечо, кувыркнулась по снегу и вот выпрямилась перед ним черничная девчонка Мустика:

– Терве, Пойко!

– Терве...

Пойко увидел подъезжавшего на широких лыжах высокого старика в белой шубе. Но ехал он с севера, а не по той лыжне, что оставил кто-то, настороживший железные зубы. Старик ткнул концом лыжного шеста в них и грозно посмотрел на Пойко.

– Это не я, – замотал головой Пойко. – Я только петли... да сторожки...

Мустика и Хилла что-то скоро заговорили старику, показывая в сторону Раягов. Старик махнул рукой, расстегнул шубу – оттуда мелькнуло черным, как перо у ворона – и наклонился к Пуолукке, ласково что-то сказал, поднял девочку на руки – и вот уже в руках у старика съежился зайченок с окровавленной лапкой. Старик устроил его на груди, запахнул шубу, кивнул Пойко и покатил прочь, на север. Зайцы, как привязанные, поскакали за ним.

Хилла покатилась по снегу рыжим кочаном и опять обернулась лисичкой, побежала, распрямив огненный хвост, за стариком и зайцами. Зайцы сначала припустили хода, а потом бросились от Хиллы во все стороны, скрылись из виду. Да и старика в белой шубе стало уж трудно различить. Пойко ткнул вслед ему пальцем и спросил у Мустики:

– Тапио?

– Тапио, – серьезно кивнула Мустика. Махнула рукой на север:

– Тапиола¹⁴. Китус, Пойко, – вздохнула и показала рукой на юг, совсем не туда, где был отцовский хутор, а, скорей, в сторону Новгорода: – Мене котиин¹⁵.

Дома рассказывать Пойко ничего не стал, чтоб не раскрошить пережитое на щепки и стружки. Берег в себе. Только вечерами стал подсаживаться к мачехе, когда та пряла, стал заучивать ее лесные слова:

– Мется – лес. Тало – дом. Хонка – сосна...

И еще снились ему темные, как боровики, серьезные глаза Мустики. Почему она так сказала: – «Иди домой»? На Русь, откуда батя, что ли? В Новгород? Так Пойко ведь тут родился, в лесу – дом его тут? У него вон и имени русского уж и нет, да и батя забыл, как его самого зовут, отзывается, когда мачеха кличет, на «Авьёмес», «муж».

Некуда им идти. Дом – тут.

Стаял снег, и батя с Пойкой распахали гарь, засеяли золотыми семенами ржи – семян-то было три шапки, дороги семена-то, но хватило как раз на всю гарь. А потом и лето подкатило, жара, огород, сенокос, грибы-ягоды, да бате в кузне помочь – аж на озеро за окушками некогда сбегать. Малые братики подросли, и Пойко стал их брать с собой на черничник, собирать ягоды в берестяные чашечки. А когда

¹⁴ Волшебная страна, в которой есть все и живут обитатели дикого леса (финск. фолькл.)

¹⁵ Спасибо, Пойко. Иди домой. (финск.)

ягоды собираешь-собираешь, слушаешь лес, дышишь с ним вместе – хорошие мысли в голову приходят, и тихонько шептал Пойко про себя имена лесных девчонок, внушек Тапио: Пуолукка, Хилла... Мустика...

И грустно было: не девчонки ж они совсем, не люди, а кто? Летом ягоды, зимой – зайчик, лиса и волчица... Как с такими подружиться? И не съел он от этой боровой, звенящей солнечной грусти за все лето ни одной черничины.

По осени приехали опять новгородские знакомцы, один – со всей семьей, с малыми парнишками, с беременной женой, со старухой матерью, привел корову и коз, занял место дальше вдоль озера, там стал валить сосны, избу ставить, а бабы его – землю под огород ковырять:

– Москва в Новгород пришла, душно там стало... Братеньник по зимнику тож приедет, будем засеку делать да пал пускать, жито сеять, как ты. Братка летом тож избу срубит, надо ему сосны сухостойной заготовить... Жить чем? А валенки я катать умею да тулупы ладить, дедо еще учил... Да плотничать, да избы ставить, да другу каку постройку... Да еще посуду всяку – березовую да липовую... Как энтэ – липа не растет?

В предзимний яркий и синий, холодный денек пошел Пойко на бор напоследок за грибами, большую корзину взял, батя аж посмеялся: мол, допрешь ли, добытчик? А и пусть смеется. Такие последние грибки-то диво как хороши, стоят в сизом мху крепенькие, ладные, без единой червоточки, а по шляпке темной сверху – ледяная корочка, прозрачная, как слеза. Мачеха покрошит да в молоке целую корчагу в печке запечет, есть – не оторваться. И брусники хватать, томленая брусника, да с медом...

Ой.

Из-за елок вышел к нему громадный лось, наклонил громадную голову с тяжелыми рогами вразлет: на рогах-то все ленточки, да погремки из бересты, да яркие бусинки на кожаных тесемках... Пахло от лося сразу и зверем, и коровой.

– Терве, Пойко! – сказала с лося Мустика.

К чудному седлу были приторочены какие-то кутули да короба, и сама Мустика была одета многослойно, по-дорожному, будто собралась в далекий путь. Лось всхрапнул, порыл копытом мох, откусил и съел голую веточку с березки. Следом вышла лосиха, на которой, так же по-дорожному собранная, сидела рыжая Хилла, а за лосихой – высокий тонконогий лосенок, несший маленькую Пуолукку. Девчоночка улыбнулась Пойко лукаво, будто чего ждала. Но Пойко расстроился:

– Марьят! Мется туттойя¹⁶! Куда же вы?

– Котиин¹⁷, – сказала Хилла и махнула на север. – Тапиола.

Мустика соскользнула с седла на землю, похлопала лосю по влажной серой шкуре, подошла к Пойко, закопошилась, расстегивая полушубочек – и вдруг вытащила наружу черно-белый остроухий, вертлявый комок – тот растопырил лапы, твякнул звонко и сердито. Мустика вручила его обомлевшему, уронившему корзину Пойко:

– Койра! Хаски койра!

¹⁶ Ягоды! Лесные девочки! (финск.)

¹⁷ Домой

– Китус, Мустика, – едва выговорил Пойко, прижимая к себе вертявого горячего кутенка. Тот лизнул его в глаз, щекотно и больно пожевал колючками зубов и выплюнул ухо. Вцепился в рубаху и смешно, тоненько зарычал. Пойко выдохнул: – Койра!

Пуолукка засмеялась, вытащила из кармашка и показала Пойко березовую собачку, вокруг шей которой была повязана брусничного цвета ленточка:

– Койра!

Негромко, грустно каркнул пролетевший низко над соснами ворон.

И Мустика невесело улыбнулась, вздохнула. И показала за спину Пойко, точно в сторону хутора:

– Мене котиин, Пойко! Хувясте¹⁸!

¹⁸ Иди домой, Пойко! Прощай!

ВТОРОЕ МЕСТО

РЕЦЕНЗИЯ

на рассказ Гульшат Абдеевой «Гульназ и Шурале»

В рассказе Гульшат Абдеевой поднимается чрезвычайно актуальная для представителей любого этноса тема: возможно ли гармоничное взаимодействие традиционной культуры и жизни в реалиях современности. Автор показывает, как в детском сознании органично сосуществуют сказочный мир духов, мифических существ и реальный мир техники и цивилизации.

Недаром главные «человеческие» персонажи рассказа – это городская девочка Гульназ и ее бабушка, живущая в деревне. Гульназ приезжает к бабушке из города на каникулы. Девочка, привыкшая к ритму города и не выпускающая из рук телефон, вдруг попадает в непривычный для нее деревенский мир, полный шорохов, стуков, скрипов – и прочих непонятностей. Еще недавно она, не сомневаясь, заявляла, что никаких домовых и прочих нечистых существ не существует, это просто взрослые их придумали, чтобы припугнуть слишком уж активно познающих мир детей. А едва попала в деревню – встретилась с Шырмыйиком! Да не просто встретилась, а он к ней пришел по делу – за помощью. Оказалось, что вредный хулиган Шурале расстраивается, что люди за-

бывают сказки. Он где-то раздобыл древний амулет рода Гульназ, тамгу, и теперь задирает сказочных обитателей (Шырмыйика, Ярымтыка), и даже лесной великан не может с ним справиться. Отметим, какими живыми и обаятельными получились в рассказе Г.Г. Абдеевой персонажи-духи! Будто на секунду застыли они на странице, чтобы вздохнуть разок и побежать дальше по своим волшебным делам.

Шурале был убежден, что хитрее его нет на белом свете существа, и что хитростью он удержит вместе с тамгой свое право хозяйничать в лесу. И ошибся! Гульназ со своим телефоном оказались хитрее! Она победила лесного хулигана в два счета. А чтобы он слишком сильно не грустил и других существ не обижал, девочка принесла ему свой старый телефон и показала, как делать снимки и выкладывать их в ютуб. Так он и сам не заскучает, и детям не даст о себе забыть! А значит, самое главное будет сделано: даже среди планшетов, телефонов и прочих сепараторов будет по-прежнему жить сказка.

Гульшат Абдеева

ГУЛЬНАЗ И ШУРАЛЕ

За дверью каждую ночь кто-то шуршал. Гульназ старалась уснуть быстрее, чем услышит тихие, скребущиеся шаги. Незванный гость останавливался на пороге и тяжело дышал. Однажды девочка не выдержала и осторожно поднялась, взяла в левую руку тапок, а в правую новенький телефон с включенным дисплеем. Перекинула на спину тяжелую черную косу и медленно пошла к двери. Открыла ее и завизжала. Хорошо, что бабушка громко храпит! Существо, из-за густой шерсти похожее на стожок сена, забежало за диван. Ростом оно едва достигало колен девочки. Тапок и телефон полетели на пол, Гульназ дрожащей рукой потянулась к выключателю. Бабушка продолжала храпеть.

Когда сердце снова начало нормально биться, Гульназ глубоко вздохнула.

– Ты ведь Шырмыйык¹⁹, да?

Из-за дивана раздался стрекот.

– Смотри, вздумаешь нападать, дам сдачи. Я два месяца на карате ходила!

Волосатый человечек выбрался наружу, протянул в сморщенной лапке тонкий медный браслет. Желтые глаза неотрывно следили за девочкой. Гульназ осторожно взяла подарок, надела на смуглое запястье.

¹⁹ Домовой (башк), буквально «вездеус».

– А теперь можно и поговорить, – услышала она низкий хриплый голосок, – я пришел не со злом.

– Точно? – девочка встала в боевую позицию, выставив ладони дощечками, – знаешь, как могу влить.

Существо замотало головой.

– Не надо, я сам тебя боюсь.

Девочка села на краешек дивана, погладила браслет кончиком пальца.

– Ну, у вас и технологии, никаких гугл-переводчиков не надо. Ты зачем каждую ночь меня пугал?

– Стеснялся. Меня к тебе наши отправили, а я-то маленький, а ты вон какая дылда.

Гульназ с сомнением бросила взгляд на висящее на стене зеркало. На физкультуре она стояла третья с конца.

– Смотря с кем сравнивать, – вздохнула она, – а наши, это кто?

Бабушка за стеной заворочалась, закашляла. Гульназ приложила палец к губам.

– Наши это все, кто в лесу живут, подальше от людей, – торопливо зашептал Шырмыйык.

– А от меня-то вам чего надо?

Наутро Гульназ поняла, что это был сон и расстроилась. Ни браслета, ни следов ночного гостя. За окном на забор, громко хлопая крыльями, взлетел петух. Напрягся, выпучил единственный золотой глаз и разразился громогласным:

– Кик-ки-ри-ку-у-ук!

А потом еще раз и еще. Слетел с чувством исполненного долга и поспешил к крыльцу, где перед его гаремом уже рассыпали плошку зерна. За рекой натужно урчали трактора.

Где-то близко грянул велосипедный звонок, сразу следом залаял Шарик – принесли почту.

Тук-тук-тук, стучал по миске венчик. Так-так-так, свежий лук порезали колечками. А потом сразу – шваа-а-арх – и заворчал, зашипел на сковороде омлет.

Гульназ вскочила, натянула шорты, подняла с пола футболку. Из-под нее выкатился тонкий медный браслет.

Завтракать девочка вышла задумчивая. Бабушка поцеловала внучку в висок, кивнула на украшение, откуда, мол?

– Подружка дала поносить, – придумала Гульназ.

Бабушка кивнула, подтянула на подбородке концы белоснежного платка и плеснула в заварник свежего чая. В дверях появился дедушка с ведерком молодой картошки.

– Будет тебе, кызым²⁰, на обед угощение со свежей сметаной, в городе такого не попробуешь.

Гульназ рассеянно кивнула. Школа и город были далеко. А каникулы прямо здесь. Как и медный браслет.

В домовых Гульназ не верила лет с шести. Но слухи по деревне ходили, особенно любили Шырмыйыка обсуждать ее друзья. Как и других существ, которыми полон был соседний лес и озеро за ним. Дети считали, что взрослые просто пугают их, чтобы дети не потерялись или не утонули. Но ходить туда одни все равно опасались.

А теперь оказалось, что существа эти не только есть, но еще и хотят встретиться с ней – Гульназ. Шырмыйык путано объяснил, что в лесу стало беспокойно, пришел издалека к

²⁰ Дочка, внучка (башк).

ним противный Шурале²¹. Зеленый, склизкий и морщинистый, а пальцы длинные, волосатые, для щекотки предназначенные.

– А я при чем? – ахнула Гульназ во время разговора прошлой ночью.

– Он амулет себе раздобыл, древнюю тамгу²², на шею повесил и ходит как барин, никто его тронуть не может. Кроме человек, конечно.

– Людей, – автоматически подправила его Гульназ, – и все-таки, при чем тут я?

– Тамга твоего рода, значит, снять ее сможешь только ты.

Девочка задохнулась от возмущения, идти в чашу к уродливому Шурале, чтобы выкрасть у него что-то? Шырмыйык замахал лапками:

– Да мы тебе поможем, поможем!

– Ну, спасибо, – усмехнулась Гульназ, – порадовал. Только зачем мне это?

– А тамга зачем? Чтобы силы забирать у тех, чей род ею отмечен. Как сейчас говорят? Энергетический вампир, вот! Пойду я, приходи завтра в лес на опушку, поговорим.

Гульназ отправилась туда сразу после завтрака. Под большим дубом кто-то скакал, девочка присмотрелась и чуть не бросилась бежать. Одноглазый одноногий человек прыгал вокруг дерева и возбужденно трещал как сорока.

²¹ Зловредный лесной дух, убивающий людей щекоткой (башк).

²² Древний родоплеменной знак башкир (башк).

Слов было не разобрать. Сквозь высокую траву к ней спешил Шырмыйык:

– Не бойся, это Ярымтык²³.

В траве сновали родственники Шырмыйыка, стрекотали крохотные лесные чертики. Когда из-за деревьев выглянул великан, представившийся Алпамышем, Гульназ икнула. Коленки ее ослабли.

Вяснилось, что Шурале пришел издалека и не даст покоя местным жителям. Пока он с тамгой, сказочный народ ему ничего сделать не может. А он с них дань собирает, да мелких задирает.

– Идти надо днем, – прогудел Алпамыш, – пока Шурале спит. Да ты не бойся, про нас вон сколько сказок, ни в одной еще Шурале не побеждал!

Ага, подумала Гульназ, только нигде против него не боролась одиннадцатилетняя городская трусиха. Шурале спал в овраге, высоко закинув длинные кривые ступни на поваленное дерево. Зеленая шерстка и рожки, симпатичный даже, похож на героя из нового диснеевского мультика. Он всхрапнул, Гульназ подпрыгнула. Новые друзья ее растворились в зелени вокруг. На шее Шурале висел черный шнурок с круглым медальоном из бересты. Девочка разглядела на нем древний рунный знак.

Гульназ медленно обошла чудище, радуясь гомону птиц, что скрадывал треск веточек под кедами. Потянулась к его шее и в ту же секунду Шурале распахнул огромные желтые глаза.

²³ Демоническое существо из башкирской мифологии (башк).

– А-а-а-а! – закричала Гульназ.

– Уа-а-а-аа! – заревел Алпамыш, круша кусты у оврага.

– Аа-а-а-а-а! – тоненько заорал Шурале и бросился прочь на четырех лапах.

– Стой, зараза ты эдакой! – верещал, нагоняя его Ярымтык, – мы тебе покажем, кто в этом лесу главный!

Алпамыш несясь напролом, Шырмыйк и его родственники шуршали невидимые в высокой траве. Гульназ тоже поспешила вслед. А потом Шурале остановился, тяжело дыша:

– Напугали, черти, – проворчал он, – я и забыл, что вы мне теперь ничего сделать не можете. Эх, ничему вас жизнь не учит. И повторится все как встарь...

Схватил Гульназ за руку и бежать! Девочка задыхалась, вопила на ходу, пыталась вырваться, но без толку. От лесного духа разве скроешься. Деревья неслись мимо, кусты цеплялись за одежду, а Шурале бежал, таща пленницу, как на буксире.

Где-то вдалеке кричали друзья. Алпамыш, как обычно, спешил, не разбирая дороги. За ним в лесу оставалась ровная просека.

– Я у вас в плену? – спросила Гульназ, оказавшись в уютном укромном шалашике на склоне горы.

– Да ну, я что, дикий? – обиделся Шурале, – погоди, чай поставлю. Хочется в кой-то веки образованного собеседника.

Зашуршал чем-то в кучке травы, раздул в каменном очаге на пороге огонь. Сутился с чашками, а сам украдкой поглядывал на девочку. За два месяца в кружке по карате

Гульназ крепко запомнила лишь один захват, поэтому Шурале опешил, когда тонкие ручки схватили его за шею. Черный шнурок не поддавался. Гульназ грызла его, борясь с тошнотой от крепкого запаха полыни и тины, исходивших от зеленой шеи.

Шурале ощерился, выставил мохнатые пальцы и сбросил девочку. Вежливость с него мигом слетела.

– Хорошо-хорошо, – замахала руками Гульназ, – я была неправа. Может, поговорим?

– Чего ты вообще ко мне привязалась? – обиженно спросил Шурале.

– Так ты мою тамгу украл!

– А-а-а-а. Ну, жить-то как-то надо. Сказок не читают, страхами меня не подпитывают. Вот даже ты, почему не боишься меня?

– Боюсь, – честно призналась девочка, – только этим делу не помочь.

Взгляд ее упал на топор, воткнутый в полено. Шурале проследил за ее взглядом, усмехнулся:

– Э-э-э, нет, больше я на это не поведусь²⁴.

– Давай тогда соревноваться, – предложила девочка, – кто победит, того и тамга?

– Говорю же, перестали сказки читать. Ну, где ты видела честного Шурале? – огорчился лесной дух.

– Боишься проиграть?

²⁴ В сюжете классической сказки о Шурале дровосек побеждает его прищемив пальцы в расщелине от топора.

Расчет Гульназ оправдался, в глазах Шурале зажглись огоньки.

– Давай, кто быстрее бегает? – хищно улыбнулся Шурале, – кто быстрее на горе за деревней окажется?

– Тогда уже и обратно! А чтобы проверить, добежал ты или нет, скажешь, кто сегодня коров пасет! Так и я.

Шурале подскочил на месте и ускакал в чашу на четырех лапах. Гульназ не спеша достала телефон и позвонила бабушке. Потом включила на нем же диктофон и спрятала трубку за пеньки. Через десять минут запыхавшийся Шурале прискакал обратно. Увидев девочку, спокойно сидящую на пеньке, взревел.

– Обмануть меня решила? А ну говори, кто сегодня на горе?

– Рыжий Асгат!

Шурале оскалился, волосатые пальцы его зашевелились.

– Ладно, давай еще раз!

– Только теперь я придумываю. Говорят, все Шурале глуховаты, так?

Лесной дух запрыгал на четырех лапах:

– А ты проверь, прове-е-ерь.

– Сначала я. Уйду за балку, а ты мне шепотом что хочешь, скажи. Потом уже поменяемся.

Гульназ прогулялась по лесочку и вернулась обратно. Шурале тут же ускакал в чашу. Девочка, не торопясь, прослушала запись, да и принялась нашептывать таблицу умножения.

– Цифры, цифры, цифры, – слышала она из-за деревьев.

Довольный Шурале крутился вокруг пенька, на котором сидела Гульназ:

– Я победил!

– Не торопись, я ведь тоже тебя услышала. Ты сказал, что нипочем мне не услышать твой шепот, потому что ничегошеньки не скажешь!

Шурале как будто смутился, отвернулся.

– В третий раз, в последний. Идет?

Гульназ кивнула.

– Будем загадки загадывать. Слушай мою: «Один брат ест и голодает, а другой – идёт и пропадает».

Девочка нахмурилась:

– Пока я думаю, ты тоже время даром не теряй, вот тебе моя: «Змея разлеглась у меня на пути, ползёт, а меня не пускает пройти, ползёт, оставаясь на месте своём. О чем я?»

Шурале прищурился. Отошел подальше, сел спиной к Гульназ, забормотал что-то. Она тем временем нашла в интернете ответ на загадку Шурале и принялась подначивать соперника:

– Что, тяжело дается? Смотри, отдашь тамгу, иначе весь лес тебя позорить будет. Нигде не будет тебе уважения! А твою загадку я сразу разгадала: это огонь и дым!

Конечно, Шурале отказался признавать проигрыш и пришлось бы Гульназ худо, если бы ее, наконец, не нашли друзья. Шырмыйык наседали на незадачливого лесного духа:

– А магия-то, магия? Три раза проиграл, изволь расставаться с тамгой, иначе твоя же сила против тебя пойдет!

А Гульназ стало его жалко. Грустно, наверное, когда можешь жить только когда тебя боятся. Ни друзей завести, ни семью.

– Ждите меня тут! – сказала она, открыла карту на телефоне и побежала по ней домой.

Наспех пообедала и кинулась обратно в лес. Карман ей оттягивал тяжелый прямоугольный предмет. Забрав у огорченного Шурале тамгу, она спрятала ее подальше.

– Тебе надо, чтобы тебя боялись?

Шурале мрачно кивнул.

– А люди сейчас любят ужастики, мистику. Вот тебе смартфон мой старый с одним уговором, друзей моих не обижать!

– На что мне твоя коробочка?

Через полчаса Шурале выложил первое видео на свой персональный видеоканал, он оказался способным учеником. Просмотры росли как на дрожжах, а Шурале веселел. Шерсть его заблестела, рога подросли и загнулись наружу.

– Как будто лет пятьсот скинул! – довольно воскликнул он.

– Ты уж электричество проводи, чтобы заряжать телефон. А если что непонятно, пиши.

Ярымтык смотрел на Гульназ с обожанием, так же, как и Шырмыйык и его родственники. Алпамыш и вовсе расчувствовался и уронил на друзей пару слезинок размером с ведро.

Девочка шла домой и думала, что никому бы не поверила, расскажи ей такое. И про домового, и про Шурале и нового видеоблогера. При мысли об этом Гульназ хихикнула. Через двадцать минут она вошла в деревню.

Вдоль дороги тянулось стадо, одна за другой коровы сворачивали к знакомым воротам. Марта, рыжая любимица семьи с белой звездой на лбу, протяжно замычала, узнав де-

вочку. Через двор уже шла бабушка с низенькой табуреткой в одной руке и большим ведром в другой. Дедушка собирал в кухне сепаратор, похожий на приземистого красного робота.

Голоса на улице затихали. Заблудившиеся коровы тыкались тяжелыми мордами в чужие калитки, их находили мальчишки с хворостинами, гнали домой. Когда бабушка вернулась в дом с потяжелевшим ведром, загудел сепаратор. Из него тонкой струйкой потекли сливки. Три кружки молока бабушка, как обычно, вскипятила в кастрюльке, всыпав туда горсть кедровых орешков. Разгрызать намокшие скорлупки было легко, сладкие ядрышки таяли на языке.

Перед сном Гульназ украдкой поставила в угол за печкой стакан молока, положила конфетку «Маскарад». Достала пиликнувший телефон – уведомление о новом видео.

– Ставьте палец вверх и не забудьте нажать на колокольчик, – с экрана довольно улыбалась знакомая зеленая морда.

ТРЕТЬЕ МЕСТО

РЕЦЕНЗИЯ

на рассказ Игоря Кощеева «Медведь и хитрый Ворон»

Сюжет сказки «Медведь и хитрый Ворон» разворачивается в суровых пейзажах камчатской тундры, которые весьма талантливо удастся описать Игорю Кощееву. Человеку, не бывавшему на Севере, этот регион может представляться голым и пустынным. Здесь же он полон жизни! В море нерестится горбуша, на берегу отдыхают нерпы, небо полно птиц (коршунов, воронов, чаек), а леса – грибов, ягод и зверей (знакомых всем лис, зайцев и бурундуков, а еще особенных камчатских зверьков евражек). А над всем этим – верховный бог моря Митг, посылающий в реку рыбу, а на небо – Звездных оленей.

И в этом богатом мире, как и всюду, отношения не всегда складываются просто, есть здесь место доброте, честности и жертвенности, но не обходится и без зависти, жадности и трусости.

Главный герой сказки, Медведь, просыпается от зимней спячки и отправляется на море ловить рыбу. Долго сидит он на берегу под слепящим глаза Огненным шаром, просит послать бога Митга ему рыбы. Несколько раз Звездные олени всходят на небо и спускаются назад. Наконец, удача

улыбается Медведю, и он вылавливает одну за другой три большие рыбины. Успех Медведя видит Ворон, но не радуется ему, а, напротив, чувствует ужасную зависть. И, несмотря на то, что брюхо его полно чаячьих яиц, Ворон из одной зависти выманивает у Медведя одну рыбину.

Но зависть – не живот, сколько ее ни корми, она не утихнет, только разгорится сильнее. С подачи Сороки, а потом и Коршуна, Ворон продолжает обманывать Медведя и выманивает у него остатки рыбы. Но и на том не успокаивается их зависть. Они решают осрамить Медведя перед всем лесом, разработав целый план, как представить его недалеким обманщиком. И их план, к несчастью, осуществляется... Но не до конца. Честный Медведь в конце концов открывает глаза на истинное лицо своих мнимых «приятелей» находит способ победить их жестокость.

Автор истории в сказочной форме ставит перед читателем серьезную проблему, с которой, к несчастью, сталкиваются и многие люди – борьбы одного против всех. Игорю Кощееву удастся, говоря как бы не совсем всерьез, снижая градус напряжения с помощью того, что проблема «проигрывается» в сказочном ключе, в мире животных камчатской тундры, весьма реалистично проследить механизм развития конфликтной ситуации и возможности выхода из нее. Нельзя не отметить самобытный и естественный стиль повествования, делающий сказку И.И. Кощеева состоявшимся произведением малой прозы.

Игорь Кошесв

МЕДВЕДЬ И ХИТРЫЙ ВОРОН

(северная почти сказка)

Так, говорят, было.

Далеко на Севере, в заполярной тундре, жил Большой Ворон. И не было на просторах бескрайней тундры, от самых Синих гор до самого Сурового моря, враля и проныры более хитрого, чем он.

Но умело скрывал он свою хитрость за кухлянкой прожитых лет. Уважали звери старого Ворона.

И вот как-то раз в тундру после долгой зимы вновь пришло лето. Однако, ягода ещё не поспела, а грибы не красовались средь белёсого ягеля своими красными шляпками. Но пошла уже в маленьких ручейках и речках на нерест первая горбуша.

Летел возле такой речки Большой Ворон и приметил рыбачившего Медведя.

Медведь только проснулся в берлоге своей, в которой провёл в спячке всю выюжную зиму.

За полгода он так исхудал и так проголодался, что готов был съесть сам небесный Огненный Шар, если бы тот был рыбой.

Пришёл Медведь на речку, сел на пологом галечном берегу и стал ждать, когда на нерест будет проплывать горбуша. Очень надеялся Медведь, что хозяин всех рыб – бог Митг, пошлёт ему сегодня хоть парочку жирных рыбин.

Много часов просидел он на прибрежной гальке, всматриваясь в речные перекаты, переливающиеся от лучей

Огненного Шара, словно чешуя на боку свежей горбуши. Все глаза свои высмотрел в ожидании взметнувшегося из реки хвоста или блеснувшего чешуёй бока рыбины.

Наконец рыбацкая удача улыбнулась Медведю, и в прозрачных водах речки увидел он мелькнувшую рыбью спину. С огромного размаха резко опустил он лапу в воду.

Переливаясь разноцветными гранями осколков битого льда, взметнулись брызги в разные стороны.

На берег, изгибаясь дугой, летела большая серебристая рыбина. Упала на прибрежную гальку, нагретую Огненным Шаром, и запрыгала по ней, словно по сковородке, оставляя на круглых камешках мокрые следы и свои блестящие чешуйки.

Отнёс Медведь пойманную рыбину подальше от края речки и спрятал её в тени большого камня.

Два раза ещё посылал бог Митг ему рыбу. Одну чуть поменьше, другую совсем небольшую. К середине дня уже три рыбины лежали в тени камня.

Именно в это время, лениво взмахивая крыльями, мимо и пролетал Большой Ворон.

Летел он низко, так как пузо его было полным, и подняться высоко было ему трудно.

Не так давно Большой Ворон разворошил чайачье гнездо, выкрав из него два яйца.

Он вспоминал, как подцепил на краю обрыва лапами круглый камень, взлетел ввысь, откуда и скинул его прямо на гнездо, в котором мама-чайка высиживала яйца.

Мама-чайка, когда сверху на неё упал камень, возмущённо прокричала и полетела на поиски врага.

Тогда Ворон быстро спустился на землю, вытолкал клювом яйца из гнезда и откатил их в расщелину.

Яйца были свежими и тёпленькими. Просто объеденье.

Приземлился Большой Ворон недалеко от Медведя. Изобразил страдальческий взгляд, понурил клюв и, хромая на обе лапки, заковылял к рыбаку.

– Везёт тебе, Медведь-соседушка наш, – страдальчески запричитал Ворон. – Какой улов привалил!

Медведь отвлёкся от рыбалки и повернул голову в сторону Ворона.

– Здравствуй, Большой Ворон. Да, улов хороший. Долго я ждал эту горбушу. Думал, уже голодным спать сегодня лягу. Но морской бог сжалился и пустил рыбу в реку.

– Нет, не придётся тебе голодным спать, – продолжал причитать жалобным голосом Ворон. – Наешься рыбы, напьёшься воды из хрустальной речки. Сытым спать ляжешь.

– И не говори, Ворон. Пять раз Звёздные Олени выходили пастись на небо, а я голодным оставался. Готов был уже, как ты, букашек есть, да мух ловить, но вот подвернулась мне удача.

– Да-а, Медведь, что ни говори – удача. А я вот уже даже посчитать не смогу, сколько дней голодным летаю, представляешь? Ни одного жучка в клюве не держал. Опух вон весь от голода, видишь? – Ворон выпятил вперёд своё набитое чаячьими яйцами пузо. – Лапки мои совсем ослабли, еле хожу.

Ворон сделал паузу и с мольбой посмотрел на Медведя:

– Может, поделится Медведь своим уловом с умирающим от голода Вороном? А то как-то несправедливо: кому-то огромная серебристая горбуша с сочным свежим мясом, с такой нежной печенью и с красной икрой. А кому-то жучки-паучки, да прошлогодняя высохшая брусника.

– А чем же я, по-твоему, обедать буду, Большой Ворон?

– А ты себе ещё поймашь. Вон у тебя какая бескрайняя речка, полная рыбы, вон какие огромные сильные лапы.

Посмотрел Медведь на пойманные рыбины.

«Ворон ведь правду говорит, – подумал он. – Надо делиться с теми, кто слаб и голоден».

– Ладно, Большой Ворон, так и быть, бери себе одну горбушу.

Только Ворон услышал эти слова, как мигом подлетел к самой большой рыбине, схватил её клювом за спину и взмыл в воздух.

Летит низко, набитое яйцами пузо и большая горбуша тянут его к земле. Кое-как улетел подальше от Медведя. Опустился на камни. Огляделся по сторонам и принялся клевать серебристый бок рыбины.

Пролетала мимо сестрица-Сорока. Не везло ей сегодня. Пыталась она к чайкам в гнёзда залезть, но те заметили воровку, всей большой стаей набросились и как начали её клювами своими долбить.

Еле крылья унесла.

Увидела сестрица-Сорока, как Ворон ест большую серебристую горбушу. Опустилась рядом и говорит:

– Где ты взял, братец-Ворон, такую огромную и красивую рыбу? Ведь нет лап у тебя и рыбачить ты не умеешь.

– Эту большую, свежую и сочную горбушу я обманом получил у Медведя. Он поймал её своими лапами сильными и уже хотел пообедать, как я прикинулся голодным и немощным, и обманом выпросил её у него.

– Какой же ты мудрый и умный, братец-Ворон. Я бы тоже хотела попробовать свежего и сочного мяса. Может у Медведя есть ещё рыба?

– Да, у него осталось ещё две.

– Не мог бы ты, братец-Ворон, выпросить у Медведя и для меня рыбки?

Ворон перестал клевать, поднял голову, прищурил хитро свои чёрные глазки, посмотрел на Сороку:

– Да, сестрица, верно говоришь. Надо у Медведя ещё рыбы отнять. А то что-то слишком много для него одного. Мы же не виноваты, что у нас крылья, а не лапы. Жди меня здесь.

Взмахнул он крыльями и полетел в сторону речки.

Медведю, как улетел Ворон, больше не попало ни одной рыбины. Но не отчаивался Медведь и продолжал внимательно следить за речными перекатами.

Подлетел второй раз Ворон, сделал пару кругов, опустился рядом на берег.

– Что, не поймал ничего больше? – заискивающе спросила птица.

– Нет, не поймал, – ответил Медведь.

Ворон нетерпеливо потоптался возле края воды, прошёлся до камня, убедился, что две рыбы ещё на месте, и вернулся к воде.

– Медведь, а, Медведь. Поделись со мной ещё рыбкой. У меня птенцы голодные совсем. Кричат, еды просят.

– Откуда у тебя птенцы, Большой Ворон? Ты всегда один жил.

– Всегда жил, а вот теперь перестал. Всё меняется в тундре, Медведь. Это ты половину жизни спишь в своей берлоге. А как проснёшься, дальше Семи ручьев не ходишь. А я по всей тундре, до самых Синих гор летаю. И даже до Туманных островов добирался. Поделись ещё одной горбушей, а? Не дай птенцам умереть.

– Ну, ладно, раз птенцам, то так уж и быть, бери ещё одну.

Схватил Ворон клювом вторую горбушу, ту, что побольше, взлетел и растворился вдали.

Вернулся он к Скалистому Берегу, отдал горбушу Сороке.

– Держи, сестрица, и тебе рыбину. Удалось провести Медведя снова.

И принялись они клевать каждый свою рыбину.

Тут пролетает мимо Скалистого Берега Коршун.

Увидел, как Большой Ворон и сестрица-Сорока горбушу клюют, опустился рядом на камень.

– Где это вы, Большой Ворон и сестрица-Сорока, таких рыбин взяли? Нет ведь у вас лап, чтобы рыбу в речке ловить.

– Лап, Коршун, у нас, конечно, нет. А вот ум и хитрость есть. Выманили обманом мы эти горбуши у Медведя. Теперь вот наслаждаемся свежим сочным мясом, нежной печенью и красной икрой.

– Как бы и мне хотелось попробовать красной икры и свежего сочного мяса. Не могли бы вы поделиться со мной? А то за несколько дней достались мне лишь пара козявок и один паук.

Снова Ворон хитро щурит свои чёрные глазки:

– А почему бы не забрать у Медведя последнюю горбушу?

Щёлкнул клювом, взмахнул чёрными крыльями и полетел в сторону, где рыбачил Медведь.

Огненный Шар медленно скатывался к Синим Горам, когда Ворон прилетел в третий раз.

– Ну, что, Медведь, как рыбалка?

– Плохо, Большой Ворон. Как улетел ты, не было больше рыбы.

– Ничего, Медведь. Наловишь ещё, – отмахнулась птица. – Я вот к тебе по какому поводу. Прознали звери, что ты со мной рыбой делишься. Бурундуки, лисицы, да зайчики разные. Прискакали со всех концов тундры. Поделиться горбушей требуют с детишками своими. Я их уже и так и эдак гнал – не уходят ни в какую. А ежели поделюсь я с ними, то своих птенцов без еды оставляю. Выручай, Медведь.

– Где ж это видано, чтобы зайчата рыбой питались? Это ж не кора какая, – удивился он.

– Говорю я тебе – спишь ты слишком много и не знаешь, какие изменения происходят в тундре.

Ворон уже даже не пытался просить жалобным голосом. Он почти требовал:

– Дай мне ещё рыбину, Медведь. Ведь ты такой большой и сильный. Ты можешь целую зиму без еды прожить. А зайцы все маленькие, и зайчата у них маленькие. Они, если не поедят сегодня, то умрут завтра.

– Да как же так? Я весь день ловил-ловил, глаз с речки не спускал. А ты у меня всю мою добычу перетаскать хочешь?

– Да я ж не ради себя. Я же ради других жителей нашей тундры стараюсь. А ты завтра снова на речку придёшь и снова наловишь.

– Ладно, Ворон, раз ради зайчат, то бери. Придётся мне, однако, и сегодня голодным спать ложиться.

Схватил Ворон последнюю горбушу из медвежьего улова и был таков.

На высоком Скалистом обрыве, под вечерним Огненным Шаром, пировали Большой Ворон, сестрица-Сорока и Коршун. Обьедались свежим сочным мясом, нежной печенью и красной икрой.

– Как хорошо, что не дал ты Медведю одному съесть эту вкусную горбушу, – сказал Коршун.

– Жадный всё-таки Медведь, однако, – добавила Сорока.

Большой Ворон перестал клевать рыбу, глянул с высокого Скалистого обрыва вниз, где морские волны накатывали на Песчаный пляж.

– Надо отомстить Медведю. Спустимся вниз и напишем на морском песке что-нибудь нехорошее про него. Сорока полетит и расскажет ему об этом. Придёт Медведь на

высокий Скалистый обрыв, прочитает, и отправится ловить меня. А пока он искать будет, начнётся прилив и волна смоем всё, что мы напишем. Найдёт меня Медведь, а я скажу, что нет никакой надписи. С голоду привиделось ему. Вернёмся мы на Скалистый обрыв, а надписи-то и нет. «Да ты обманщик, однако! – тогда скажу я Медведю. – Разнесу-ка я эту молву по всей тундре».

Взяли они втроем в лапу по веточке стланика, слетели с высокого Скалистого обрыва на Песчаный пляж и стали царапать большими буквами на мокром песке:

МЕДВЕДЬ – САМЫЙ ЖАДНЫЙ ЗВЕРЬ В ТУНДРЕ

Закончили писать, посмеялись, представив, как Медведь читает, покружили и разлетелись.

Сестрица-Сорока полетела к Медведю жаловаться на Большого Ворона, а Ворон с Коршуном забрали остатки рыбы и полетели подальше в тундру.

С трудом долетела сестрица-Сорока до реки, где рыбачил Медведь. Очень уж объелась она свежего сочного мяса и красной икры.

– Здравствуй, Медведь. Рыбачишь, вижу. Как рыбалка? Много ли горбуши наловил?

– Здравствуй, сестрица-Сорока. Хороша была рыбалка, только без рыбы остался я. Пришлось всю Большому Ворону отдать. Чтобы другие звери в нашей тундре голодными не остались. Да и сам Большой Ворон занемог от голода. Опух так сильно, что лапы не держат, и летает еле-еле. И птенцы его голодные совсем.

– Да, Медведь, трудные времена нынче в нашей тундре. А Большой Ворон, хочу рассказать тебе по секрету, обманул тебя. И злом отплатил тебе, – оглядываясь по сторонам, тихо стала говорить Ворона. – Лечу тут я, значит, мимо Песчаного пляжа, ищу хоть одну самую сонную муху, самую блоху захудалую, и вдруг вижу, как Ворон про тебя на песке всякие пакости палкой царапает. Ах ты, негодяй какой, думаю. Все мы знаем, что ты, Медведь, самый добрый, самый щедрый в тундре. Вот со всех крыльев кинулась искать тебя, чтоб новостью поделиться.

– Как так? Я ему, значит – рыбы, а он про меня пакости разносит будет? Где, говоришь, писал?

– На Песчаном пляже.

Бросился Медведь в сторону Песчаного пляжа, так, что галька вылетала из-под его лап.

Подбегает к краю Скалистого обрыва, вниз смотрит и видит, что нацарапано на песке большими буквами:

МЕДВЕДЬ – САМЫЙ ЖАДНЫЙ ЗВЕРЬ В ТУНДРЕ

Взревел Медведь от злости на всю Туманную бухту, хотел броситься вниз и затоптать надпись.

Но решил проучить Ворона и отправился в тундру на его поиски.

Большой Ворон с Коршуном продолжали жадно набивать свои животы горбушей, когда слышали голос Медведя.

– Приятного аппетита, братец-Ворон.

– Спасибо, братец-Медведь. Я бы рад поделиться с тобой, но тут уже совсем ничего не осталось. На один зуб тебе.

– Ничего, братец-Ворон. Морской бог Митг ещё пришлёт. Я вот к тебе что пришёл. Читал я на Песчаном пляже надпись нехорошую про себя. Сказали мне, что это ты её нацарапал.

– Какую надпись? – поддельно удивился Ворон. – Да. Был я на Песчаном пляже не так давно. Но не царапал ничего. Огненным Шаром небесным тебе клянусь! – Ворон постучал чёрным крылом себя по груди. – Пойдём, покажешь, в чём ты меня обвиняешь.

Пока Медведь ходил за Вороном, пока они с Вороном и Коршуном шли к Песчаному пляжу, начался на море прилив. Дошли волны до надписи и размывили её. Стал песок совершенно гладким и блестит, словно кожа молодой нерпы.

– Где же те оскорбительные слова, которые ты приписываешь мне? – спросил Ворон у Медведя, когда они оказались на краю Скалистого обрыва.

Не знал Медведь, что ответить Ворону.

– Не знаю, Ворон. Были здесь они.

– Но их нет! – каркал на всю бухту Ворон. – Лгун ты и обманщик, Медведь. И разнесём мы с Коршуном новость эту по всем уголкам тундры.

Взлетели Ворон с Коршуном, покружились над Медведем и полетели обратно.

Постоял Медведь на Скалистом обрыве, посмотрел на гладкий морской песок, развернулся, да побрёл в свою берлогу.

А между тем сестрица-Сорока уже ждала возвращения Ворона с Коршуном.

– Ну, что, поверил Медведь нашему обману? – спросила Сорока, когда вернулись птицы.

– Ха-ха-ха, обвели его, как глупую евражку!

– Ха-ха-ха, евражка умнее будет. Как глупую нерпу.

И начали они втроём, держась крыльями за набитые животики и дёргая лапками, кататься от смеха по мягкому мху.

Посмеялись, поели ещё рыбы и довольные разлеглись в нагретом за день мхе.

– Раз Медведь такой глупый, почему бы нам не повторить обман ещё раз? – спрашивает Ворон. – Утром, как наступит новый отлив, мы снова напишем пакость. Но теперь к Медведю полетит Коршун. Снова придёт Медведь на Скалистый берег, снова прочтает, снова начнёт обвинять меня. И окажется Медведь лгуном дважды.

Понравилась эта идея всей компании. Улеглись спать на тёплом мхе.

А с самого утра отправились к Песчаному пляжу пакости писать на песке мокрым.

Проснулся утром в своей берлоге Медведь. Стал собираться на рыбалку. Прилетает тут Коршун.

– Не мог я вчера признаться тебе, Медведь. Ведь тогда Большой Ворон съел бы моё сердце, – стала лживо сокрушаться птица. – Но это он обманом вытаскал горбушу твою. И пакости он писал про тебя. И сегодня новую пакость

написал он. Каждый, кто пролетает, проплывает, пробегает мимо, читает её.

И вновь побегал Медведь к Песчаному пляжу.

Добежал до Скалистого обрыва, вниз смотрит. И действительно, на мокром песке большими буквами написано:

МЕДВЕДЬ – САМЫЙ ЖАДНЫЙ ЗВЕРЬ В ТУНДРЕ

Взревел от злости пуще прежнего Медведь.

На большой поляне меж стлаников и карликовых берёз возлежали три сытые птицы.

Животы их были набиты медвежьим уловом.

– Что, Медведь, опять тебе с голоду привиделись какие-то надписи? – раскуривая трубку, спросил Ворон, увидев рядом запыхавшегося Медведя. – Не пойду никуда я с тобой в этот раз.

Только теперь понял Медведь, что те, кому поверил он, обманывали его.

Обманывал Большой Ворон, когда рыбу таскал. Обманывал Коршун, обманывала Сорока, когда на Песчаный пляж заманивали.

Ничего не сказал в ответ Медведь.

Развернулся и пошёл к Песчаному пляжу.

Спустился со Скалистого обрыва, сел на песок, грустит.

– Почему ты грустишь, Медведь? – спрашивает Волна.

– Я грущу, потому что Большой Ворон обманом вытаскал всю мою рыбу. А теперь собирается рассказать всей тундре обо мне неправду.

– Что же собирается рассказать Большой Ворон?

– Что лгун я и обманщик, ведь я сказал, что он писал про меня гадости на песке. Я видел их. Но когда вместе приходили мы на Скалистый берег, надписи куда-то исчезали.

– Он и вправду писал про тебя гадости, – сказала Волна. – Они все вместе писали. И Ворон, и Сорока и Коршун.

– Да? Куда же делись они?

– Слушай, что я говорю, Медведь. Ты живёшь в тундре, а не на берегу Сурового моря. Поэтому и не знаешь законов его. У Сурового моря бывают приливы и отливы. Которые выполняем мы – Волны. Мы с сёстрами то прибегаем на самый край берега, то убегаем далеко-далеко от него. И так каждые двенадцать часов. Когда Ворон с компанией царапали на песке гадости – был отлив и плескались мы с сёстрами от берега далеко-далеко. Приходил ты на край Скалистого обрыва и читал, что они написали. А потом, пока ходил ты за Вороном, наступал прилив. Приходили мы с сестрицами к берегу и смывали всё то, что было написано. Вот поэтому, Медведь, на песке и не было ничего.

– Ах, вот оно что, – сказал Медведь. – Ладно, братец Ворон, держись. Спасибо тебе, Волна. Скажи, сможешь ли ты помочь мне проучить этого пройдоху? А то я писать не умею, только читать могу.

– Конечно, – ответила Волна. – Ведь ты хороший и добрый зверь.

– Слушай тогда, что я придумал...

Сидят Ворон с товарищами, чай горячий пьют. Над Медведем потешаются.

Тут видят, как со стороны Туманной бухты Медведь идёт.

– Что опять привело тебя в гости к нам, Медведь? Неужто новая надпись появилась?

– Да, Ворон, появилась. Но надпись эта не про меня совсем.

– А про кого? Не про меня уж?

– Именно так, Большой Ворон. Про тебя.

– Ой, и гораздо же ты врать, Медведь, – засмеялся тот.

– Раз уверен так ты, то клянись, Ворон, Прахом Предков, что если увидишь надпись на Песчаном пляже, то до появления на небе Звездных Оленей, будешь ты каркать её на всю Туманную бухту!

Большой Ворон знал, что Медведь писать не умеет, поэтому засмеялся во весь свой чёрный живот:

– Ха-ха-ха! На всю Бухту? Ха-ха-ха!!! Так уж и быть, клянусь Прахом Предков, что если есть на Песчаном пляже надпись, то до появления на небе стада Звёздных Оленей буду каркать я её на всю Туманную Бухту, – согласился он. – Но тогда уж и ты клянись, Медведь! Если нет ничего на мокром песке, то до самого появления Звёздных Оленей, будешь рычать ты на всю Туманную бухту, что ты, Медведь, лжец и обманщик.

Поклялся и Медведь тоже, и отправились они всей компанией к Песчаному пляжу.

Подходят к Скалистому обрыву.

Видят необычайное оживление вокруг. Близ края обрыва суетятся сотни евражек. Среди кустов вечнозелёного стланика пронзительно юркают рыжие лисы да белоснежные песцы. Соболя дерутся за лучшее место возле пней от поваленных лиственниц. Рядом с карликовыми берёзами гордые росوماхи возлежат на мягком ягеле. Срежь камней, выбирая

себе местечко, суетятся шустрые горностаи. Несколько поодаль увлечённо пасутся олени, изредка поднимая свои головы, увенчанные большими ветвистыми рогами.

А вокруг, попискивая, сопровождают их к обрыву сотни мышей-полёвок.

Подошли они к самому краю Скалистого обрыва.

Множество нерп, тюленей и моржей, разместившихся по всему берегу увидели они. А на входе в бухту играючи плещутся в море резвые касатки.

Очень удивились Ворон, Сорока да Коршун. Никогда раньше столько зверей за раз они не встречали.

Но ещё больше их поразило то, что увидели они на песке Песчаного пляжа.

Когда, во время отлива, отступала Волна со своими сестрицами от берега, то из ракушек и морских звёзд, выложили они на мокром песке:

Я, БОЛЬШОЙ ВОРОН – ОБМАНЩИК И ПЛУТ

Суетливо взмахнув крыльями, неуклюже взлетел и растворился в тумане, нависающем над бухтой, Коршун. Вжав голову меж сальных перьев и учтиво расталкивая мышей, попятилась куда-то вбок Сорока.

Большой Ворон рванул было за Коршуном, но лапа Медведя была быстрее. Он мигом схватил птицу за лохматый хвост. Да так сильно, что полетели из неё по сторонам перья чёрные.

– Ты же знаешь, братец-Ворон! Клятву Прахом Предков нельзя нарушать. – Медведь поднёс Ворона к морде своей и заглянул в его бегающие чёрные глазки. – Или ты хочешь попасть в Нижний Мир раньше времени?

– Нет, – хрипло каркнул братец-Ворон, – не хочу.

– Тогда начинай, – подытожил Медведь и поднял Ворона над головой. – Звери ждут.

Над Туманной бухтой стало медленно разноситься:

– Я, Большой Ворон – обманщик и плут...

**СПЕЦИАЛЬНЫЙ ПРИЗ
«ЗА ГЛУБИНУ И ТОНКОСТЬ В ОТРАЖЕ-
НИИ ТЕМЫ ДРУЖБЫ НАРОДОВ»**

Ирина Кирилова

ДИНАРИК

Дорогому другу,
Мажикенову Али

Глава 1. Прощай, Баянаул

– Динарик, Динарик, беги домой, дядя Али уже приехал!

Мама звала так громко, что слышно было на всю улицу. Но Динара упорно сидела между рядами малины и не двигалась с места. Маме не было её видно, и дочка с упрямством маленького ослика пользовалась этим. Дядя Али говорил маме:

– Айгуль, ехать пора, опоздаем на самолёт, что за капризы?

После этих слов послышались сдавленные всхлипы мамы. Этого Динара уже не выдержала, она выскочила из малинника, подбежала и прижалась к маме.

– Айналайын²⁵ ! – воскликнула мама, – Что же ты... И если мама только всхлипывала, то Динара заревела во весь голос:

– Не хочу уезжать!

Динаре было без малого семь лет. Скоро в первый класс, подруге купили форму, она ходила знакомиться с учительницей. А ей, Динаре, надо уезжать из родного села Баянаул. Здесь всё знакомое и родное, красивое – горы, озеро, лес и люди. Иногда взрослые выдумывают какие-то проблемы, и такая чудесная и понятная жизнь меняется. Заболела Карлыгаш-Апа²⁶, и Динаре с мамой надо было ехать к ней. Надолго, может и навсегда. И куда ехать! В другую страну, в Россию, в город Астрахань. Прощай, родной Баянаул, прощай, Казахстан...

– Динарик, – так ласково называла её мама, – Там будут новые друзья, вот увидишь.

По дороге, в машине дяди Али, который вёз их в аэропорт Павлодара, Динарик уже не плакала. Она глядела своими темно-карими глазами в окно. Баянаул провожал девочку влажным, мягким ветерком; деревья махали ей своими сочными, зелёными ветками, словно люди руками. «Эх, даже не поплавала напоследок...», – сокрушалась в мыслях Динарик. Последние два дня шёл дождь и они с мамой не

²⁵ Айналайын – ласковое обращение к младшим, малышам. Можно перевести на русский, как «миленький», «голубчик»

²⁶ Карлыгаш – женское имя, в переводе на русский «ласточка». Апа – бабушка.

ходили к озеру Сабындыколь²⁷. А ведь Динарик очень хорошо плавала и любила мягкую озёрную воду.

В дорогу мама надела на неё новые джинсы и белую футболочку с клубничным принтом. Только надевать новую белую бейсболку, и тоже с вышитой клубникой, Динарик отказалась. Она так и поехала в своей старой, но красивой тюбетейке²⁸ на голове. Женская тюбетейка у казахов называется *такия*. Это красивый головной убор – круглая шапочка, прикрывающая макушку от солнца. У девочки она была сшита из блестящего бордового бархата и украшена цепочкой с двумя белыми бусинками и металлической подвеской с казахским орнаментом. *Такия* у казашек, как маленькая корона – обод шапочки переходит в небольшой конус. По праздникам в самую макушку конуса можно вставить большое, красивое перо.

Но сегодня у Динары был точно не праздник. В самолёте мама пыталась хоть немного развеселить дочку, показывала рукой то на другой самолёт, который стоял неподалёку от них на взлётной полосе, то на большую антенну на крыше здания аэропорта. Айгуль надеялась, что грусть отпустит её кареглазую Динару, ведь девочка впервые летела на самолёте. Но Динара, в ответ на мамины попытки развлечь её, только вяло кивала в ответ. Почти сразу после взлета она уснула. Уголки её красивого ярко-алого ротика были скорбно опущены вниз. А снилось ей озеро Сабындыколь, замерзшее и под снегом.

²⁷ Сабындыколь – мыльное озеро.

²⁸ Тюбетейка: женский и мужской головной убор у народов Средней Азии

Глава 2. Карлыгаш-Апа

Сонное, знойное Астраханское лето было сонным и знойным только на улице. А в небольшой квартире на третьем этаже в доме на улице Мусы Джалиля скакала Даша. На скакалке. Ей казалось, что делает она это тихо, маму будить не хотела. Ведь сегодня суббота – у мамы выходной. Она ещё не заметила, что мама уже готовит завтрак на кухне.

– Даша, сбегай за хлебом! Мама улыбалась и протягивала ей пакет, – И бабушке Карлыгаш купи тоже, у неё наверняка кончился.

Бабушка Карлыгаш, казашка – соседка Дашиной семьи. Она очень добрая и часто угощает Дашу свежими, мягкими внутри и хрустящими снаружи баурсаками²⁹. «Пирожки без ничего», так называла их Даша и уплетала их с вареньем за обе щеки. А недавно бабушка Карлыгаш заболела. У неё так сильно болела нога, что она не могла больше выходить из квартиры. И Даша, и её мама, и папа помогали пожилой женщине, чем могли, потому что она была одна в городе. Совсем-совсем. У казахов редко так бывает. Обычно у казахов большие и дружные семьи, а родственники бабушки Карлыгаш жили в Казахстане. И ещё родня в селе Верхний Баскунчак в Астраханской области. Но приезжает «ближняя родня», как их называет бабушка Карлыгаш, не часто – работают все.

Даша бежала из магазина вприпрыжку. Прыгательное настроение как захватило её с утра, так и не отпускало. И даже сильная жара на улице не отнимала у неё силы, а наобо-

²⁹ Баурсаки – жареные колобки из дрожжевого теста диаметром 7-10 см

рот, добавляла. Вот она и скакала: в лёгком светлом сарафане, в сандалиях на босую ногу и без всякого головного убора. Мама каждый день просит: «Даша, надень бейсболку, голову напечёт!» Но Даша всякий раз убегает гулять с непокрытой головой. Говорит: «Волосы у меня светлые, солнечные лучи от них отражаются, а в бейсболке лоб потеет! И вообще, у меня пальма на голове!» Пальмой она называла хвост из волос, который делала высоко на макушке. Так как волосы были собраны очень высоко, то и хвост получался не очень длинный. Волосы превращались в подобие зонтика на голове, ну точно пальмочка! И шее не жарко.

Забежав домой, Даша положила хлеб на стол и побежала к соседке, отнести хлеб ей. Постучала в дверь и приготовилась ждать: бабушка Карлыгаш тяжело ходила и открывала дверь не быстро. Но в этот раз дверь распахнулась почти сразу, и Даша увидела девочку. Меньше её ростом, в ярком малиновом жилете с вышитым на нём ветвистым жёлтым орнаментом. И в шапочке. Даша видела уже похожие, но чаще на мальчиках-казахах. Шапочка на самой макушке, красивая, кстати, и две чёрные косицы перекинута на грудь.

– Привет! А ты кто? Где бабушка Карлыгаш? – затараторила Даша. Прыгательное настроение, довольно привычное для Даши, заставляло её быстро и звонко говорить. – Здравствуй, я – Динара, внучка Карлыгаш-Апай, – тихонько ответила Динарик, – А бабушка на кухне, она бешбармак³⁰ готовит. Из кухни позвала Апа:

³⁰ Бешбармак: традиционное сытное блюдо из тонких кусочков теста и мяса

– Проходи, проходи Даша!

Даша по-свойски зашла в квартиру, выложила на стол булку хлеба и поставила бутылку молока.

– Ай, рахмет³¹, айналайын!– бабушка улыбнулась.

Апа была одета, как всегда, в кёйлек и поверх него в домашний камзол без рукавов. Кёйлек это такое лёгкое простое платье с длинным рукавом. Похоже оно на длинную рубашку, и без камзола Карлыгаш-Апа его почти не носила. Волосы у Апашки убраны под белый платок, который она просто завязывает сзади, как и всякая хозяйка. Дашина мама точно так же повязывает платок на голову, когда работает с тестом – чтобы волосы в будущие булочки не попали. А Карлыгаш-Апа платок снимает только вечером, перед сном. Динарик плохо помнила бабушку, видела её только один раз, когда Апа гостила у них в Баянауле. И она часто бросала на Апашку скромные взгляды из-под чёрных пушистых ресниц. И подмечала: массивные серебряные серьги, выполненные в национальных казахских традициях, они оттягивают дряблые уже Апашкины мочки; на запястье цельный, широкий серебряный браслет, испещренный казахским орнаментом, в самом центре его овальный красный камень; брови густые, седые вперемешку с немногими черными волосками... Апа улыбалась, раскатывая тесто для бешбармака.

– Вот, Даша, я рассказывала Динаре сказку «Алпамыс-Батыр³²», но я говорила на казахском, а теперь, если хочешь, на русском буду, чтобы ты тоже послушала, – улыбнулась

³¹ Рахмет: спасибо

³² Батыр: герой, богатырь

Карлыгаш-Апа. Она продолжала катать тесто, превращая его в тонкую-тонкую простынку, через которую просвечивала поверхность стола, на плите тихонько булькал вкусно пахнущий бульон. Так же тихонько и неспешно, нежным фоном журчала сказка о смелом и сильном батыре, который спас свою невесту, освободил соплеменников и справедливо правил до конца своих дней.

– Эх, – сказала Даша с досадой, – сейчас таких мальчишек не бывает, – Вон Тёмка из соседнего подъезда совсем не Батыр. А наоборот – дурак! – выпалила она.

– Дерётся? – тихо спросила Динарик.

– Со мной не подерёшься! Пытается только, – уже тише добавила Даша.

– Апа, а скажи, почему ты в России живешь, а не дома, в Казахстане, – тихонько спросила Динара, смущенно стрельнув взглядом на Дашу. Даша действительно удивилась вопросу, она, сколько себя помнила, столько же и бабушку Карлыгаш. Даше было семь лет и ей казалось, что соседская бабушка была здесь всегда.

– Динарик, жаным³³, я дома, – ласково ответила Апа, – Казахи в нынешней Астраханской области, да вокруг Каспийского моря кочевали давным-давно. А двести лет назад часть народа из Младшего жуза, присоединилась к Российской Империи и стала жить осёдло. Астрахань – моя Родина, айналайын. Здесь родилась и я, и моя мама, и твоя мама. – А папа твой и его род из Казахстана, он учился в институте в Астрахани, здесь с твоей мамой и познакомился, потом увёз

³³ Жаным – душа моя

её к себе на родину... – Бабушка Карлыгаш вздохнула. – Ну, а мы – астраханские казахи, – добавила она улыбнувшись.

– Русские казахи? – с сомнением спросила Динарик. Тут бабушка рассмеялась:

– Нет, мы просто казахи, но россияне.

– Что-то я запуталась, – пробормотала Динарик на казахском. Даша не поняла, что сказала новая знакомая, а бабушка не расслышала. Зато Даша затараторила, как сойка, которая поймала на хвост важную весть и не может, вот просто никак не может молчать!

– Бабушка Карлыгаш, а что такое «жить осёдло»? А что такое Младший жуз? Я такое не знаю, я только седло знаю! Меня папа в седле на лошади катал в парке!

– Жить осёдло, Дашенька, кулыным³⁴, это жить, как мы с вами, на одном месте. Так живут люди в современных городах и сёлах. Работают и живут в одном месте. А раньше, еще сто пятьдесят лет назад казахи кочевали³⁵ по большой, бескрайней степи, переезжали с места на место очень часто. Жили в юртах, складных домах, которые легко разобрать и собрать, чтобы перевозить с собой на новое место.

– О, это понятно, – воскликнула Даша, – это как палатка туристическая, да?

Динарик улыбнулась и воскликнула:

– Я тебе покажу!

Она побежала в комнату и вернулась с маленьким округлым предметом в руках. Это был сувенир – крохотная

³⁴ Кулыным: жеребеночек мой, ласковое обращение к детям

³⁵ Кочевать: переезжать с места на место

копия настоящей юрты, сделанная из белого войлока и отороченная синей и голубой тесьмой. Юрта по форме напоминала тибетейку-такию Динары, только была меньше размером. И в ней была дверца – полог, закрученный рулончиком кверху. Через открытый дверной проём можно было рассмотреть, юрту изнутри. А еще самая макушка юрты была с круглым отверстием по центру, и это отверстие было прикрыто решёткой из перекрещенных по центру соломинок. Три соломинки, закрепленные на одинаковом расстоянии друг от друга, образовывали одну широкую полосу. И вторая, точно такая же полоса была наложена на первую крестом.

– Это шанырак, – тихонько сказала Динара, указывая на эту крестовину. – Это и окошко, и труба для дыма от очага.

– Шанырак не только отверстие для дыма и света, – добавила Карлыгаш-Апа, – Через шанырак душа казаха смотрит в небо. И видит там, в синей вышине, беркута³⁶. Летит душа вместе с беркутом, любит с высоты на прекрасную бескрайнюю степь, но далеко от шанырака не улетает. Покружит-покружит в небе и возвращается к родному очагу. Так что шанырак – это как родной причал...

Внутри юрты стоял миниатюрный сундук, сделанный из картона и украшенный орнаментом, малюсенький низкий круглый столик и колыбелька. Даша поняла, что это колыбелька – маленькая кроватка, что же ещё? И не на ножках, а на деревянных дугах, чтобы можно было качать младенца.

³⁶ Беркут: крупная хищная птица, относящаяся к семейству ястребиных

Только от обычной колыбельки эту отличало наличие толстенькой круглой палки, которая соединяла изголовье и изножье кровати. Юрта на какое-то время отвлекла внимание девочек, но вскоре Даша вновь спросила:

– Зачем же казахам нужно было ездить с места на места, почему им не сиделось на одном?

– Казахи были тогда скотоводами. Бараны, лошади, коровы – это была их работа, их еда и жизнь. Большим стадам нужно много корма. Как только стадо съедало траву на одном месте, племя откочёвывало: люди перегоняли стадо и перевозили юрты в другое место, на свежее пастбище. А к наступлению холодов кочевали на юг, чтобы там переждать зиму.

Карлыгаш-Апа вздохнула:

– Кочевники были вольные люди, на свежем воздухе жили. Но скотоводство это тяжелый труд, и когда-то люди решили, что попробуют остаться на одном месте, распахали землю, засеяли. Стали еще и земледелием заниматься, не только скотоводством. Построили постоянные дома, которые не разобрать и не увезти.

– Это как моя бабушка Настя, – снова воскликнула Даша, – она в своем саду тоже земледелием занимается, у неё картошка растет, огурцы, ягоды всякие. Меня заставляет сорняки выдёргивать, тоже тяжело, спина потом болит, – ворчливо добавила она. – А Младший Жуз это кто?

– Не кто, а что, – снова улыбнулась Апа, – Младший жуз это обозначение племён и родов казахов, которые жили в западной части современного Казахстана. И ещё два Жуза было у казахов – Средний и Старший. А мы, Астраханские казахи – потомки выходцев из младшего Жуза.

Девочки помогли бабушке: вместе помыли фрукты и овощи, почистили картошку. Знакомство длилось всего пару часов, но эти часы были наполнены сказками и вкусными запахами.

Вечером в честь приезда дочери Айгуль и внучки Динары к бабушке должны приехать гости.

Глава 3. Не очень тихий дворик

Бабушка напоила девочек чаем, и они вышли во двор. На улице стояла жара, солнце плавало не покрытый тенью асфальт. А во дворе росло много деревьев, и девочки нашли скамейку в тенистом месте. Было тихо, детская площадка пустовала, большинство обитателей двора прятались от пекла дома. Только в соседнем дворе, который хорошо просматривался через зеленое ограждение, на волейбольной площадке играли шестеро взрослых ребят. Оттуда иногда доносились их крики и смех.

Динарик сняла свой плотный жакет, положила его на скамейку рядом с собой. Девочки уселись знакомиться поближе.

– А я в первый класс осенью иду! – Даша задрала голову и прищурившись на солнце смотрела в небо. Глаза у нее серые, светлые ресницы выгорели на солнце, поэтому хоть они и длинные, почти не заметны на лице.

– Я тоже иду в первый класс, – Динарик ответила тихо и грустно, – Только я здесь никого не знаю и по-русски говорю с ошибками...

– Как это никого не знаешь?! А я? Меня уже знаешь! И на русском научу тебя говорить, я знаешь, какой учитель! У меня уже кот говорит: «Мааааа!», когда есть хочет. – Даша так громко растянула это «Маааааа!», что кошка, которая

шла через двор остановилась и слегка присела. Потом повела ушами и пошла дальше. – А ты меня на казахском научи, ладно? Почему ты бабушку «Апа» называешь?

– Так Апа это по-казахски означает бабуля, – улыбнулась Динарик.

– А почему ты только с мамой приехала, где папа твой?
– Даша говорила по обыкновению громко.

– Папа погиб в прошлом году... Он уехал в Экибастуз³⁷ работать на шахту, а там авария, – Динарик отвернулась и худенькие плечики её мелко затряслись. Дашино «прыгательное» настроение улетучилось мгновенно. Где-то в груди у неё стало тяжело и как будто жидко. Словно не воздух оказался внутри грудной клетки, а тяжёлая, мутная вода. Она тут же представила, как было бы ей без папы, если бы в один день он не вернулся с верфи³⁸.

Даша медленно повернулась к Динаре и, не вставая со скамейки, обняла её, сказала тихо:

– Динарик, ты не плачь, не плачь, пожалуйста, – и заплакала сама.

Девочки просидели в тени большого клёна ещё целый час. Динарик рассказала новой подруге, что её мама музыкант, играет на гитаре и домбре³⁹, а в Баянауле работала в школе учителем музыки:

– Мама даже музыку сама сочиняет, – громче, чем обычно, сказала Динара.

³⁷ Экибастуз – город в центральном Казахстане

³⁸ Верфь – место на берегу водоёма, где ремонтируют или строят корабли.

³⁹ Домбра – струнный музыкальный инструмент

Даша тоже с удовольствием рассказывала про родителей – папа крановщик на судостроительной верфи, мама инженер и работает там же.

– Мама знаешь какая у меня строгая! Она качество конструкций проверяет, как их сделали, хорошо или нет. Её все дяденьки на работе боятся, сама слышала, когда мама меня на работу с собой брала. И, передразнивая мужской басок, изобразила: «Вон Матвеевна идёт, сейчас нагоняй выписывать будет!», – Вот только я не пойму, почему они её Матвеевна зовут, она ведь Лена.

Так, разговаривая и хихикая, они и сидели посреди двора. Поглощенные разговором и друг другом они и не заметили, что к ним подошёл мальчик: загорелый, коротко стриженный, в майке и шортах защитного цвета. На вид ему было лет десять. Высокий, плотный мальчик, у которого явно всегда хороший аппетит.

– Эй, Дашка, это что за шушару ты притащила в мой двор? – с вызовом начал он. Девочки подняли на него глаза. Даша прищурилась и ответила:

– А ты, Тёмочка, пока не поздороваешься, с тобой и разговаривать не буду!

– Кота своего здороваться учи, малявка! – Тёмка профессионально сплюнул себе и девочкам под ноги. Динарик с удивлением смотрела на подростка. Она поняла, что это тот самый «не Батыр», о котором упоминала Даша. В правой руке он держал небольшую палку и нарочито медленно постукивал ею по левой ладони. «Как американский полицейский с дубинкой», – так он думал про себя.

– Повторяю вопрос: что за нелегалы на территории? Как звать, шушара? – он ткнул палкой в стороны Динары. Даша разозлилась:

– Сам ты шушара! Это моя подруга! Она внучка бабушки Карлыгаш. Иди вон к пацанам на волейбольное поле, там изображай из себя. Тёмка только оглянулся в сторону играющих волейболистов, но ничего не сказал. Вместо ответа Даше он подцепил концом своей палки жилет Динары и начал раскручивать:

– А это что за маскарад? Плюшевый коврик для твоего кота, Дашка?!

– Не трогай, отдай! Это моё! – у Динары прорезался голос, но был он не такой звонкий и громкий, как у Даши. Динарик готова была расплакаться, – Верни, пожалуйста, – тихо добавила она.

– Достанешь – твоё! – с этими словами хулиган с силой махнул палкой и закинул Динарин комзольчик на дерево.

– Ну ты, Тёмка, гад... Подожди же, вечером Ринат приедет... – Даша уже не говорила, а словно шипела, как сильно разозлённая кошка. Услышав имя Ринат, метатель чужой одежды торопливо и молча пошёл прочь.

– Вечером достанем, – пообещала Даша.

Глава 4. Астраханские арбузы

Вечером в квартире бабушки Карлыгаш собрались гости: родственники из далёкого села, они его называли аулом, Дашины родители и сама Даша, конечно же, и ещё одни соседи с их лестничной клетки. Эта соседская семья, татары, тоже была очень близка бабушке Карлыгаш. Казахи вообще

любят дружить с соседями, у них даже поговорка есть: «Близкий сосед лучше дальнего родственника».

Однако, и родня из далекого поселка вызвала бурные чувства у бабушки – они долго и шумно здоровались, смеялись и обнимались, говорили то на казахском, то на русском. Три женщины, племянницы бабушки, и двое молодых мужчин, сыновья одной из них, привезли гостинцы – казы⁴⁰, домашние лепешки, три больших арбуза. Динару одарили отрезом красивого голубого шёлка, а её маме Айгуль подарили новые серьги.

– Почему они дарят вам подарки? – шёпотом спросила Динарика Даша, – у вас обеих сегодня день рождения?

– Нет, – так же шёпотом ответила сияющая и раскрасневшаяся Динара, – просто у казахов так положено, если давно не виделись, с подарками приезжать.

Новые для Динары соседи пришли всей семьёй: мама с папой, их взрослый сын и дочка, девочка возраста Динары и Даши. Они тоже принесли гостинцы: домашнее печенье, большой пирог зур-белиш⁴¹, конфеты и два арбуза! Даша сразу потащила девочку к Динаре:

– Знакомьтесь! – «прыгательное» настроение Даши тут, как тут, – Это Дина, а это Динарик! А там брат Дины, Ринат! Ринат в армии служил, занимается национальной татарской борьбой, куреш называется. Даша, отдаваясь своему привычному состоянию, громко и радостно тараторила:

⁴⁰ Казы – домашняя колбаса из конины.

⁴¹ Зур-белиш – традиционный татарский пирог с фаршем.

– Дина тоже в этом году пойдет в первый класс, мы в один класс с ней пойдём, и ты пойдешь с нами, правда тётя Айгуль?

Айгуль обернулась к девочкам и ласково сказала:

– Я ещё не была в школе, но, наверное, Динара будет учиться с вами.

Динара и Дина смотрели друг на друга. Динара, хоть и стеснялась, но спросила первой:

– Дина – это то же, что и Динара? Полное имя? Вот Даша сказала, что её полное имя – Дарья, моё – Динара, а мама и апашка зовут меня Динарик.

– Нет, Дина, это Дина. А вообще, зови меня Динка, меня все так зовут: и мама с папой, и Ринат, – Динка тряхнула короткой чёлкой. Точнее она хотела тряхнуть только чёлкой, но взметнулись вверх и в стороны все волосы. Динка недавно выпросила у мамы подстричь каре. Но её вихрастые, рыжевато-коричневые волосы закручивались кто вверх, кто вниз и на голове у неё была будто мягкая, пушистая шапочка. Глаза у Динки светло-коричневые, как слабенько заваренный чай. Лёгкий зелёный сарафанчик ей был очень к лицу.

– А, между прочим, мои родители тоже принесли арбузы, три арбуза, представляете! – с хохотом возвестила Даша. – Они сказали: «Нас много будет, надо побольше взять. Жара, в такую жару только арбузы и есть».

– Астраханские арбузы очень вкусные. Наша Астраханская область это исторический центр по выращиванию арбузов, – важно сказала Динка, явно повторяя фразу, услышанную от взрослых.

– В Баянаул арбузы привозят с юга Казахстана и из Узбекистана, у нас они не растут. Дядя Али пробовал сажать

арбузы у себя в огороде, но выросли какие-то маленькие зеленые мячики, – тихонько засмеялась Динарик, – А я очень арбузы люблю.

Взрослые общались. В какой-то момент раздалось громкое бабушкино: «Ой-бай⁴²! Как много арбузов!». И все дружно засмеялись.

Девочки сидели на балконе и играли в игру на смартфоне Динки. У Даши и Динарика телефонов не было. Игра была интересная – надо было создать персонаж, куколку. Подобрать прическу, цвет волос и глаз, выбрать из большого набора одежду и аксессуары.

Играли по очереди. Динка создала куколку в зеленом брючном комбинезоне, рыжую, с короткой стрижкой и с луком в руках. Не с тем луком, который кладут в суп, а с луком, с помощью которого стреляют стрелами. Потом творить стала Даша. Её куколка была похожа на принцессу с длинными золотистыми волосами, увенчанными диадемой, в длинном пышном платье. Наступила очередь Динары: у неё получилась черноволосая красавица с длинной косой, в белых шароварах, в белой блузе с длинными пышными рукавами и в бирюзовом камзоле. Камзол был перехвачен золотым поясом со сложным восточным орнаментом.

– Твоя куколка похожа на принцессу Жасмин из мультика, – Динка внимательно разглядывала персонаж. – Вон и камзольчик точь-в-точь такой же.

⁴² Ой-бай! – восклицание в казахском языке, означающее сильное удивление

– Ой, – Динарик замерла с телефоном в руках и подняла глаза на девочек, – Мой камзол... Я маме ничего не сказала...

Динка непонимающе смотрела на девочек. Даша театрально шлёнула себя рукой по лбу:

– Динка, зови сюда Рината, только чтобы без других взрослых, – скомандовала Даша. Динка, слегка пожав плечами, заинтригованно пошла звать брата. Скоро она вернулась:

– Сейчас придет, арбуз доедает. И с одним из твоих дядей, Динарик, разговаривает. Нашли общую тему. Твой дядя тоже, оказывается, занимается национальной борьбой. Только название немного отличается. По-нашему, по-татарски – «куреш», а у казахов «казакша-курес». А правила одинаковые, как я поняла.

Ринат очень скоро пришел к девочкам, приобнял сестру и, кивнув головой в сторону Динарика, сказал:

– Вот так штука, ещё одна соседка-подружка у тебя будет, Динка! И имя тоже на «Д» начинается. У вас прямо какое-то тайное общество «Три Д», – он широко улыбнулся и девочки смущенно заулыбались в ответ. Потом бойкая Даша рассказала Ринату о злополучной дневной встрече с Тёмкой:

– Ринат, помоги достать камзол Динарика, а? Пока мама её и бабушка Карлыгаш не узнали. А то ведь расстроятся, – и, подумав, добавила – Да и проучи этого Тёмку, всякий раз уходить со двора приходится, когда он гулять выходит...

Динка тоже вздохнула, ей не раз доставалось от этого вредного Артёма: то бейсболку с головы сорвет и бросит на

землю, то кинет камнем в её велосипед, так, что Динка чуть не падает с него. Ринат заметил выражение лица сестры и спросил:

– Тебя тоже обижают?

– «Татарка-зашкварка», – насупившись, сказала Динка.

– Чего? – не понял Ринат.

– Обзывается он так, – пояснила сестра.

– Ладно, – спокойно и немного нараспев сказал Ринат, – Тут точно проблема, будем решать.

Уже через пятнадцать минут яркий камзол Динары был возвращён хозяйке, Ринат залез на дерево и достал его.

За окном долго ещё было светло, хотя и вечер. Лето ведь. Но, вечер, скоро спать, да и Карлыгаш-апа, хоть и рада гостям, всё же устала. Айгуль уложила свою маму спать, Женщины сообща помыли посуду, прибрали на кухне. Соседи ушли домой, а родственники легли спать на полу, потому что кроватей столько в квартире бабушки не было. Динарик долго не могла уснуть, уж слишком много событий в один день.

– Ана⁴³, а разве бывает так, что в один день и радость, и печаль? – сонно спросила Динарик маму.

– Бывает, айналайын, бывает, – Айгуль гладила по голове дочь, пока та не заснула.

⁴³ Мама

Глава 5. Три Д

Впереди был ещё целый месяц до школы. Жара, арбузы, новые подруги и Волга. Всё это вместе примирило Динару с переездом в Россию. И, к тому же, она часто встречала на улице казахов. Дома она продолжала говорить на казахском языке с бабушкой и мамой. А с Динкой и Дашей говорила на русском. Не всегда правильно произнося окончания, ведь в казахском языке слова не склоняются по родам. Она могла сказать, например: «Даша, ты куда утром ходил? Я с балкона тебя видел». Даша терпеливо поправляла подружку:

– Динарик, ты девочка и я девочка, значит «ходила» и «видела».

Ринат по вечерам водил девочек на Волгу. Динара и Даша умели плавать, а Динка – нет. Старший брат пытался учить сестрёнку, но она всё время спорила с ним:

– Ринат! Кто ж так учит?! Я не лягушка, по-лягушачьи плавать, я по-человечески хочу!

Когда он пытался поддержать Динку в воде на-плову, она брыкалась так, что вода вокруг превращалась в бурный, кипящий фонтан. На самом деле Динке было и страшно, и стыдно. Страшно утонуть. Стыдно, что страшно. Или страшно стыдно, от того, что не умеет делать то, что умеют делать подруги. Дина и читала, и писала лучше них, но не плавала. Даша тоже вносила свою лепту в обучение:

– Динка, ты руками так, так, – она размахивала руками, демонстрируя как надо, – Ноги выпрями, напряги их, тебе говорю!

Даша крутилась в воде и громко комментировала все этапы урока. Динке казалось, что уже весь пляж знает, что её, Динку учат-учат, да никак не научат. Во время очередного

урока Динка заплакала и Ринат сдался. Сказал: «Вот тебе надувной круг, плавай с ним». А какое же это плавание, так, болтаешься только, как поплавок. Динарик подгрребла ближе. Тихо сказала:

– Завтра ты научишься. Я сама научилась, и ты научишься.

Динка ничего не поняла, только шмыгнула носом в ответ.

Назавтра вся троица снова была у Волги. Даша с громким «Ура!» понеслась в воду. Она забежала в реку, отчаянно шлёпая ногами по воде и поднимая высокие брызги. Хватило всего несколько шагов, а точнее прыжков и всё: вода выше колен, бежать в ней не получается и Даша с радостным визгом плюхается в воду.

– Наша очередь, – сказала Динарик. Они с Динкой зашли в воду по-пояс, – Теперь присядь, чтобы плечи под водой скрылись, толкнись ногами и прыгай вперед.

– Снова, как лягушка? – буркнула Динка.

– Прыгай, как лягушка, а плавать будешь, как человек, – улыбнулась Динара. Постепенно, за несколько дней тренировок с Динарой, Динка действительно стала держаться на воде.

– Ого, Динарик-то у нас настоящий учитель! – улыбался Ринат.

Динарик полюбила Волгу не меньше родного озера Сабындыколь. И теперь ей стала сниться ещё и Волга, тёплый песочек, катера вдали на реке. Вода в Волге отличалась от привычной ей озерной воды, она была более мутной и желтоватого цвета, но с каждым днём становилась роднее.

Девочки по-настоящему подружились и много времени проводили вместе, играли в «выбивалы» с мячом, в «классики», в прятки, скакали на скакалке. Частенько, в самую жару они прятались на скамейке в тень и сидели, втроём засунув носы в Динкин телефон.

– Папа сказал, к первому сентября мне подарит смартфон, – мечтательно затанула Даша.

– А мне вряд ли мама купит, она даже ещё работу не нашла, – вздохнула Динарик, – А давайте научу вас одной игре. Я с ребятами играла в Баянауле. «Орамал» называется.

– Я знаю такую! – вспомнила Динка, – Когда я гостила у бабушки в Татарстане, я тоже в такую играла! Кажется, по-русски это «Платок» называется.

Динара побежала к бабушке просить платок для игры. У бабушки Карлыгаш их было много, и один она внучке выдала: яркий, голубой с белыми плавными линиями.

– Только смотри, верни, не потеряй, – ласково напутствовала бабушка. Динарик и Динка наперебой объяснили правила игры Даше.

Даша, как самая бойкая, сразу стала ведущей. Завязала на платке узелок и передала его Динке. А вот дальше игра застопорилась. По правилам игроки должны взяться за руки, водить вокруг ведущего хоровод и петь какую-нибудь песню. А ведущий в любой момент может выкрикнуть: «Стоп!», и игроки должны разбегаться, а ведущий ловить того, кто с платком. Платок можно передавать друг другу, запутывая ведущего. Но раньше или позже «Платок» ловится. И тогда, по желанию ведущего, пойманный должен или спеть, или станцевать, или рассказать стихотворение.

Хоровод из двоих человек вокруг Даши явно не получался. Они в замешательстве стояли и пытались переделать правила игры. Вдруг Динарик заметила, что к ним приближается Тёмка. Она молча дёрнула Дашу за руку. Девочки не видели местного «копа» недели две. Молча ждали, что же будет. Тёмка подошёл и сказал: «Привет». У Даши открылся рот. Динка закрутила головой, как будто ища глазами, кто это произнёс. Динарик округлила свои красивые глаза и молча таращилась на Тёмку. Первой очнулась Даша:

– Привет, Тёмыч, чего тебе?

– Катька играть с вами хочет, но боится, что не возьмете из-за меня, – мальчик глянул в сторону. Там стояли две девочки лет пяти и глядели на старших девчат. – Катька и подружка её, Наталка.

– Ты-то тут при чём, – презрительно фыркнув, ответила Даша, – маленькие они ещё, играть с нами. Неожиданно вступила Динка:

– Даша, да ты чего, пусть идут, как раз получится в «Орамал» поиграть!

Уже вечером, когда расходились по домам, Динарик сказала:

– Девочки, а вы заметили? Тёмка с нами поздоровался...

Первого сентября три соседки, три подружки, и они же – три первоклассницы, нарядные и взволнованные несли цветы своей первой учительнице. Очень необычный был день – волнение, радость, любопытство и немного страха, который быстро прошёл, всё было в этом дне. Мама Айгуль тоже была в этом дне вместе с доченькой. Она теперь работала в той же школе, где предстояло учиться Динаре. А ещё

Айгуль рассказала девочкам о культурном центре имени Курмангазы⁴⁴, в котором можно учиться играть на музыкальных инструментах, заниматься танцами и вокалом. Каждая выбрала занятие по душе – Динарик решила, что будет, как мама, играть на домбре, Даша – петь, а Динка серьёзно сказала:

– Вы как хотите, девочки, а я на плавание пойду, в бассейне буду заниматься, – посмотрела на Динару и улыбнулась.

Вечером Ринат с улыбкой сказал сестрёнке:

– Передай Даше, Артёма вашего «проучили», он теперь в нашей секции борьбы занимается.

– Приручили, приручили! – засмеялась Динка, – И как же ты его уговорил?

– Показал пару приёмов и поговорил по-душам, – Ринат подошёл к окну и посмотрел на зелёную улицу, – Динка, а ты знаешь, в честь кого наша улица названа?

– Улица Мусы Джалиля, – быстро ответила Дина, но потом неуверенно добавила, – Но я не знаю кто это.

– Вот и Тёмка не знал... А надо бы знать. Муса был советский татарский поэт, военный корреспондент. Сражался с фашистами. И даже когда в плен попал, он не сдался и продолжал свою борьбу. Фашисты убили его, но его стихи до сих пор живы. Потому что они про Родину и настоящих людей...

В это время Даша говорила с папой:

⁴⁴ Курмангазы – казахский народный музыкант, композитор, жил в XIX веке.

– Почему нашу маму на работе Матвеевна называют, а не Лена, как ты её зовёшь?

– Потому что уважают нашу маму, Даша, она очень хороший специалист, – улыбнулся папа.

«Буду как мама», – подумала Даша, – «Только певица Сергеевна это нормально звучит?»

А Динарик в этот вечер сидела рядом с Карлыгаш-Апа и держала её за руки. Бабушка не могла пойти на праздник, но с удовольствием слушала рассказ внучки о первом дне в школе:

– У нас в классе такие разные дети, учительница знакомила нас: есть казахи, татары, русские и чеченцы. Украинцы есть. Одна девочка – немка. Апа, а я теперь тоже, как и ты, русская казашка? – Динарик вопросительно смотрит на бабушку.

– Нет, айналайын, ты по-прежнему казашка, но теперь ещё и россиянка, – бабушка Карлыгаш улыбалась.

Светлана Богданова

ДЕСЯТЬ СКАЗОК С ЛАДОШКУ

Пайся, пайся, мой дорогой читатель!

Здравствуй, здравствуй! Это обычное вогульское приветствие. А ответить мне можно тоже по-вогульски: «Пайся, пайся, рума ойка!» («Здравствуй, здравствуй, друг!») «Ой-ка» означает «мужчина, богатырь, дух-покровитель».

Вначале я познакомлю вас с авторитетнейшим знатком Уральского Севера Константином Дмитриевичем Носиловым. В 1883 году он путешествовал по реке Конде. И в Оронтур-пауле (а «пауль» по-вогульски – «поселение») подружился со старым вогулом Саввой. В своей замечательной книге «У вогулов» дал словесный портрет друга: «Седой, с парой маленьких кос, как у наших старых добрых пономарей в былое время; с открытым добрым лицом, приподнятым к свету; с крупными морщинами на нём; в белой рубахе, с берестяной табакеркой в руке, в полосатых штанах; с маленькой седенькой бородкой, без усов; с протяжной ровной речью...»

У добряка Саввы было чистое сердце и душа ребёнка-почемучки. Старик любил красоту леса и лесную жизнь. В его «протяжной ровной речи» сквозила любовь к каждой хвоинке, к каждой дождинке, к каждому лучику солнца, к каждому лучику луны.

Его старая, как он, юрта одиноко ютилась на берегу озера Орон-тур. И посещали её только зайцы да вогульские ребятишки. Когда им надоест швырять словые шишки в

прилетевших любопытных тетеревов, сидящих на высоких соснах.

У старого вогула Саввы была чудесная память. Из слова в слово он мог передать древний мансийский миф – это длинный-предлинный «Священный сказ о сотворении Земли». А он начинается так: «Давным-давно это было. На холмике среди тундры жили женщина («эква») и мужчина («хум, ку»). И был у них белоснежный ворон. А вокруг домика повсюду была вода. Кругом вода, вода, вода...» «Вит» – по-вогульски. Думаю, что при этом старик грустно вздыхал. Ведь в мире без земли человеку делать нечего. Человек на вогульском языке «элумхолас» («жил-умер»).

Вогул Савва знал много сказок («мось, монть») и тайные истории про разных вогульских богов: «как их зовут, где они скрыты, кто их караулит, чем они замечательны». Это, скажу я вам, тот же бажовский дед Слышко, но только вогульского рода-племени.

Мансийская пословица гласит: у каждого плёса реки – своё эхо. Своё особое «эхо» – у вогульских песен, мифов, преданий, легенд, сказок. Давайте их послушаем...

Итак, мы сидим на оленьих шкурах в старой юрте деда Саввы. На берегу озера Орон-тур. Стоит тихая звёздная ночь («ити»), какая бывает только на Севере. Потрескивают дрова в чувале («щовал»). Мы пьём чудесный чай на травах с горячими лепёшками. Тихо и радостно на душе, как в детстве. И под говор мохнатых сосен слушаем сказки дедушки Саввы – простенькие и крохотные. И поучительные! С детскую ладошку. Десять пальчиков. Десять сказок...

Про человека-птицу

Вот что было. Жил около горы Елбин-нер («святая», значит) человек. Он всё время пел. Видит солнце – о нём поёт. Видит облака – о них поёт. Видит лес – о нём поёт. Видит оленя – о нём поёт. Пел-пел. И тут его палица⁴⁵ покрылась перьями. Стал птицей, однако. Полетел на реку Тавду. Это левый приток Тобола. Там в старое время была родина наша. Там петь стал. В поле – жаворонком. В роще – соловьём. В лесу – дроздом певчим. Это самые лучшие певцы на Земле. Хорошо поёт. Хорошую песню за семью реками слышать.

Так и живёт птицей. Он не здесь, а мы его знаем. И песни его слушаем. Иной человек никогда не поёт. Заботится только о своём. Почему так?

Про человека без сердца

Давным-давно жил-был такой. На реке Тавде. Молодой и без сердца. Ловил зверя и птицу. Питался. Одевался. Задумал жениться. В соседнем пауле красивая вогульская девушка жила. Туда поехал. Родители её большой калым запросили. Совсем большой, однако. Обрато вернулся. А вогулка молодая его полюбила. У неё сердце было! Добрая богиня Калтась её в птицу оборотила. Прилетела та птица к молодому вогулу. Стали жить вместе. А у вогула в груди лёд («янк»). Плохо с таким жить. Совсем плохо. Много-мало времени прошло. Тут у них парыч («парень») родился. Мать его в апу положила. В берестяную люльку. Посмотрел

⁴⁵ Палица – это верхняя одежда из сукна или из оленьих шкур (глухая с капюшоном).

сын на отца. В груди вогула-отца жарко стало. Словно чужал («щовал») разожгли. Это сердце застучало. А вогулу нельзя без сердца. Никак нельзя. Сердце – это сам человек. Хорошо стали жить. Как одно сердце стучит! И сильно стучит! Всем слышно.

Вот ты сейчас зажми-ка глаза. Прижми руку к сердцу. И слушай тут. Сам слушай. И думай. Думай о хорошем. Легче станет, однако.

Про родину вогулов

Манси говорят. Старики старые, совсем старые. Родина наша не здесь. Не на Конде. На Тавде. Где другие реки текут – Карабашка, Доцаное, Тавлеево, Морозково, Матюшино, Ушмарка, Конье, Каратунка... Там родина. Там везде жили вогулы. Жили себе жили. Ни они к кому. Ни другой кто к ним. И хорошо было, однако. Всякая птица своим клювом клюёт. Всякий свой кусок мяса ел. Всякий в своём озере и в своей реке рыбу ловил. Главный бог Нуми-Торум помогал вогулам. И народ был лучше. Раздолье везде было. Всего было много. Жить было легко. Пока Чингиза не прогнал вогулов на Конду. За семь рек ушли вогулы. Семь женщин с собой взяли. А там, в лесах, лыи остались. То души наших предков. Они не ушли.

За семью реками, а всё равно Родина. Без Родины человек на земле сирота. Люби свою Родину! Люби! Любовь та силу даёт. Как в сказке сила та. Как в сказке.

Про Арчинку

Это болотная речушка. В озеро Янычково впадает. Её ещё Сергинской зовут. Там за семью реками течёт она. Там, где наши лыи живут. На родине нашей. Болотце там. В болотце вогул заплутал. Молодой охотник. Злой бог Куль

нагнал на него тьму комаров. Комары злые. Совсем злые, как сам Куль. Глядеть не дают. Веки объели. Лезут в рот. В глаза. В уши. Везде лезут. Совсем плохо вогулу. Туда-сюда. Везде топь. Везде лыва⁴⁶. Позвал он на помощь бога Чахил-Торума. Тот на первом небе живёт. Невысоко над землёй. Невысоко. Ушли комары. Опушка леса показалась. Спасся вогул.

А надо было звать покровителя охоты Чохрын-ойку. Это сын Ялпинг-ойки, родившегося на земле богатыря. Больших богов нельзя беспокоить. Покой всем нужен. На земле. На небе. Всем. Покой – это порядок. Порядок – это покой. Нарушишь порядок. Спросят с тебя. Кому надо, тот и спросит⁴⁷.

И про Арчинку я вас спрошу. Маленькая она. Совсем маленькая. А её упомянули на карте 17-го века Семёна Ремезова. Других маленьких не упоминают. Почему так?

Про комаров

Про комаров других скажу. Комары есть и на горах Северного Урала. Их юрточки в мелкой зелени. За каждой ползучей ивой. За каждой берёзой. За каждой лиственницей. Там ветер. Сильный, однако. Комары боятся ветра. Ветер хочет оторвать их от родного места. А они не хотят. И на горе Елбин-нер тоже чумом стоят комары. Гора святая. И они не кровожадные. Даже песенку свою не поют. Безголосые, однако. И мало кого кусают. И тихо себя ведут. Совсем тихо.

⁴⁶ Лыва – топкое влажное место, низина.

⁴⁷ А спросит Мир-сусне-хум: «За миром Наблюдающий Человек». Это младший, седьмой сын Торума.

Даже комары боятся родину свою потерять. Хотя там им тяжело живётся. А иной человек не боится. А почему?

Комаров нет на горной вершине Сакв-талях-нёр-эква. Её манси почитают. Сильно почитают. Стоит она там. В верховьях реки Сакв (реки Ляпин). Там про комаров не слышно. Совсем не слышно.

Про гагар и Сыгву

Про гагар вот что знаю. В вершине реки Сыгвы есть дикие лесные озёра. Там жирный золотистый карась водится. На этого карася гагары со всего света слетелись. Вогул-рыбак их боится. Сильно боится. В гагаре живёт душа умершего шамана, однако. Эта душа кричит над озёрами. Эта душа воет в тёмном лесном углу. Эта душа покоя не находит. А в сеть вместо карася попадётся – беда вогулу! Беда!

«Вогулы плавать не умеют. Шаманы плавать не умеют»⁴⁸. А гагары – самые лучшие на свете пловцы и ныряльщики. Почему так?

И ещё про Сыгву скажу. Там нет осени. Совсем нет. В последний раз солнце выйдет. Северный ветер подует – Луи-вот-ойка. Вечером уже подует. Северное сияние покажется. Ночью покажется. К утру снег ляжет. Везде ляжет. Совсем ляжет. Нет осени на Сыгве. Почему так? Как много загадок человеку. Почему так?

Про лес

Лес – это вогул. Вогул – это лес. Всё там – зверь, птица, кол (дом вогула). Там лыи (духи наших предков) живут. Всё

⁴⁸ Об этом свидетельствует в своей книге «У вогулов» К.Д. Носилов.

там. И все там. Лес хвойный – хорошо. И вогул хвойного рода-племени. Лиственный лес – хорошо. И с ним вогул породнился. Лес смешанный – совсем хорошо. Берёза сосне не мешает. Сосна берёзе не мешает. Порядок там, однако. Смешанный лес и у нас. Это смешанные дети. Их отец – вогул. Их мать – русская. Тоже хорошо. Тоже порядок, однако.

Лес, урман, тайга с дерева начинается. Дерево – «йив» по-вогульски. Человек как дерево. И дерево как человек. Всё видно по дереву. Всё видно по человеку. Встоит дерево – выживет лес. Выживет лес – выживет и человек.

Про Парыпарсега

Вот что на свете. Люди разные – добрые и злые. Боги разные – добрые и злые. Духи разные – добрые и злые. А Парыпарсег всегда злой, однако. Он превращался в чёрную собаку («оамп» по-вогульски). И чёрная собака бегала по паулям. Несла вогулам «мось» – дух болезни и «холла, холас» – смерть.

Зло есть на земле. От зла не надо убегать. Зло нужно одолеть. Злого Парыпарсега одолел сказочный человек. Вогулы назвали его Тарыг-пещ-нималая-сов. Однако, ходит зло по земле. Ходит. Ходит. И иной человек бывает как бог грома Тор с тяжёлым молотком в руке. Он сам себе враг. Он сам себе Парыпарсег. Скажи ему правду. Правдивое слово дороже оленя, однако. И правду внутри себя ищи. Кто там? Не злой ли волк («салыпурнуй»)? Гони его! Гони! За семь рек. За семь ручьев. Пусть совсем уйдёт. И ты добрым станешь. Стань Нужным на земле человеком.

Про Энкырму

Это сказочная тёплая страна. На седьмом небе. Там нет тёмной ночи. Там нет снега. Нет северного ветра. Нет

мороза. Совсем нет. Комаров и гнуса нет. Нет болота и великой воды. Нет болезней и голода. Войны и вражды тоже нет. Там солнце светит. Светит ласково. Не жарко. И растёт сказочный сад. Плоды его со сладким соком. Там идёт медовый дождь. И цветы яркие цветут. Там будут жить счастливые люди Северного ветра.

И на земле есть Энкырма⁴⁹. Есть-есть. Её увидеть надо. Сердцем. Душой. Духом. Как иней на травинке видишь, так и её разгляди. В горе да в печали. Будь крепок в горе да в печали. Крепость ту, как морошку на болоте, собери по ягодке. По ягодке, по ягодке! В крепости и счастье добудешь. Энкырму на земле получишь.

Про время вогулов

Не жил бы человек, если б не нужен был. Не жил бы лес, если б не нужен был. Не жил бы олень, если б не нужен был. Всё живёт в своё время. Всё! И свой век имеет. Время рядом с человеком идёт, а его не видно. Идёт как господин. В чёрной-чёрной суконной палице. В чёрной-чёрной ночи. Пусть идёт себе и идёт. А мы посидим. У чувала раздумий («ма-хум») посидим. Подумаем. Пришло другое для вогулов время. Другое. Совсем мало нас. Мало, как мало хороших сказок на свете. Но мы есть. И многому можем научить. Как выжить в мороз и в жару. В голодный год. В комарье и гнусе. В морах, в болезнях. Мы живём. Просто живём. Дух наш к охоте, рыбалке остался. Охотимся, рыбачим. Оленей разводим. Ягоды собираем. Песни свои поём. Рисуем узоры

⁴⁹ Энкырма, Мортим-ма, Морт (манс.) – мифическая южная земля (страна), откуда прилетают птицы.

сказочного орнамента. Мы – люди-мудрецы. Мы – люди-поэты. Мы – люди-дети. Живём в дружбе с Торумом – Водой, Землёй, Небом. Храним огонь в чувале раздумий. Грейся, гость-человек, у нашего огня. И возьми огонь наш. Разожги чувал раздумий в своём сердце. И береги этот огонь. Чувал раздумий – это сам человек. Человек Земли. Нужный человек!

От автора. Пока сказки слушали. Пока гостили. Господин в чёрной суконной палице семь речных верховьев обежал. Пора и нам домой. Пора! И говорю всем на прощанье: «Торум ет олэн! Торум ет олэн, рума-ойка!»

Список использованной литературы:

1. Ермолаев В.Н. Тавдинское местописание / Валерий Николаевич Ермолаев. – Екатеринбург : Старт, 1999. – 192 с.
2. Мифы, предания, сказки хантов и манси / Пер. с хантыйского, мансийского, ненецкого языков ; Сост., предисл. и примеч. Н.В. Лукиной, под общей редакцией Е.С. Новак. – Москва : Наука, 1990. – 568 с. – (Сказки и мифы народов Востока).
3. Носилов К.Д. У Вогулов: Очерки и наброски / Составление тома Ю.А. Мандрики. – Тюмень : СофтДизайн, 1997. – 304 с. («Невидимые времена»).
4. Шесталов Ю.Н. Язык ханты и манси – от антов? / Юван Николаевич Шесталов // Стерх. – 1993. – № 1 (3). – С. 2-5.

Александр Козлов

СВИСТУН (поездка на ярмарку)

В конце января, после святок, собрались Егоркины родители съездить в ближайший город. На ярмарке надо было закупить соль и сахар, а на мельнице смолоть в муку пару мешков пшеницы. А на это нужны деньги, которые можно выручить, продав на ярмарке что-нибудь из того, что есть в доме в избытке. Семья считалась в деревне зажиточной – своя лошадь, корова, пара свиней, полон двор кур и гусей. Для продажи на ярмарке мать приготовила несколько куриных тушек, тушку гуся, шматок сала, бадью квашеной капусты, пару крынок сметаны.

Рано утром, набросив уздечку на коня, отец вывел его во двор. У коня была кличка «Ангел». Многим в деревне эта кличка не нравилась, мол, не по-божески святыми именами лошадей называть, но отец отшучивался: «Когда беда в дороге случится, у нас свой Ангел-хранитель рядом будет!»

Утро предвещало хорошую погоду. Отец расчесал коню хвост и гриву, затем слегка почистил бока щеткой, все-таки в город едут, на люди. На спину водрузил седелку. Взял хомут клещами вверх, подошел к коню спереди. Конь недовольно фыркнул, попытался повыше задрать морду, показывая свой норов. Но отец, резко окликнул коня: – «Ну, ну! Не дурить, Ангел!» – ловко набросил хомут на шею и развернул его клещами вниз. Прошелся под ним ладонью, убедившись, что ни чего под него не попало. Положил шлею на

холку, расправил её, соединяя ремешки с пряжками. Взявшись за уздечку, повел коня к саням.

Вначале отец хотел для поездки в город попросить у соседа красивые городские сани, но, подумав, решил ехать на своих розвальнях – и места побольше, да и устойчивость лучше, мало ли что может случиться в дороге.

Покрикивая на коня: «Тпру назад! Тпру назад, Ангел!» – отец задним ходом завел его к саням между оглобель. Конь понял, что поездка неизбежна, и вел себя спокойно. Отец взял дугу и тут увидел, что сын Егорка, проснувшись сегодня вместе с взрослыми, стоит без дела и внимательно наблюдает за его работой. Он с вечера знал, что его берут с собой в город, и светился от радости, предвкушая впечатления от предстоящей поездки. «Ну, что рот разинул? – сердито окрикнул отец сына, – неси пару охапок сена! А то стоит, сияет, как медный таз!».

Егорка, покраснев от смущения, метнулся в коровник, быстро влез по лестнице на сеновал, вилами сбросил с накатника несколько охапок сена. Спустившись вниз, стал перетаскивать сено в сани.

Отец, закончив запрягать коня, взял в руки вожжи и проехал по двору к амбару. Там он погрузил в сани два мешка пшеницы. Сходил в омшаник, принес бадью квашеной капусты. Затем подъехал к крыльцу и помог матери перенести в сани приготовленные для продажи продукты. Аккуратно уложив все вещи в передок саней, прикрыл их циновкой. Разворошив принесенное Егоркой сено по саням, чтобы всем было удобно сидеть, отец скомандовал: «Рассаживайтесь, пора ехать!».

Бабушка и сестра отца вышли проводить, они суетились около саней, давая разные советы и наказания. Егоркины младшие сестра и брат еще спали, а дедушка уже третью неделю не вставал с постели, какая-то хворь скрутила старика. Когда отъезжающие расселись в санях, бабушка вдруг хлопнула себя ладонью по лбу: «Совсем забыла, дура старая, – и, толкнув Егорку в плечо, сказала ему – Ступай к деду, он тебе чтой-то сказать хочет».

Мальчик очень любил деда, переживал, что тот болеет, и сейчас не захотел предстать перед ним радостным и счастливым. «Я потом к нему зайду», – буркнул он и подвинулся поглубже в сани. Отец недовольно посмотрел на сына, покачал подбородком. Егорка виновато склонил голову, но остался сидеть в санях.

«Ну, тогда, с Богом! – сказал отец и, щелкнув вожжами по крупу коня, крикнул – Но! Ангел, трогай!» Конь нехотя потянул сани в открытые ворота, но, получив вторичный хлопок вожжами, прибавил шаг, перейдя на легкую рысь. Бабушка перекрестила отъезжающих, перекрестилась сама и долго смотрела им вслед, шепча губами какую-то молитву.

Проехали по деревне. Егорка высоко задирает голову, но, как назло, никого из друзей на улице еще не было. А как ему хотелось, чтобы приятели увидели, что он едет в город! У часовни выехали на большак. Отец остановил лошадь, повернулся в сторону часовни и, глядя на икону Казанской Божьей Матери над входом, перекрестился. То же самое сделала мать, прошептав:

– «Господе Боже, Пресвятая Богородица, Божья Мать, заступница, спаси и сохрани нас!».

Егорка сидел тихо, будто бы задумался. Отец отвесил ему подзатыльник так, что шапка слетела с его головы. «А ты что, нехристь?» – сердито спросил он. Мальчик ткнул пальцами в лоб, изобразил что-то вроде креста на животе и быстро натянул упавшую шапку на голову, пряча под ней черные курчавые волосы.

Тронулись дальше. Егорка сиял от счастья. Впереди сорок верст пути. Надо проехать пару деревень, обогнуть березовую рощу, спуститься в глубокий овраг, проехать по бревенчатому мосту, подняться по крутому подъему в сосновый бор, а там и город. Конь бежал рысью, отец иногда, больше для порядка, покрикивал: «Но, Ангел, пошевеливайся!» Егорка постоянно крутил головой. Ему хотелось рассмотреть всё – и дорогу впереди, и красивые наличники на окнах домов, встречающихся по дороге селений, и заячьи следы на снегу, и нарядные ёлочки в серебрящемся на солнце снежном наряде.

Иногда он ложился на спину и глядел в небо. Высокие облака не хотели отставать от коня, и все время двигались по небу за санями. От запаха душистого сена, которым были устланы сани, начинала кружиться голова, а ожидание предстоящего праздника заставляло сердце биться чаще и сильнее.

А еще Егорке нравилось смотреть назад, на край саней. При этом создавалось впечатление, что сани стоят на месте, а из-под настила и отводов вырывается снежная река. Бурлящий поток белой пены уносился с шумом и скрипом, иногда захватывая в свою струю какие-нибудь предметы: то ветку дерева, то клочок сена, то что-то необычное. Глаз моментально

схватывал этот объект и пытался рассмотреть его, но предмет быстро уносило потоком вдаль.

Когда ехали полем, отец разрешил сыну править конем. Егорка с нескрываемой радостью схватил предложенные ему вожжи. Он гордо задрал голову и, копируя отца, то и дело покрикивал: «Но! Но! Ангел, пошевеливайся!». И щелкал вожжами по крупу коня.

Подъехали к березовой роще, впереди показался поворот со спуском в овраг. Отец отобрал вожжи у Егорки и немного попридержал ход коня, с горки ехать на большой скорости опасно. Конь с удовольствием перешёл на шаг, ему тоже нужна передышка. Без проблем спустились к бревенчатому мосту, за которым начинался подъём в сосновый бор. Коню явно было тяжело тащить всех в гору, и отец, передав вожжи матери, предложил Егорке пробежаться за возом, чтобы разгрузить сани и самим немного согреться. Когда подъём в гору закончился, отец с сыном вновь уселись в сани. Дорога потянулась по сосновому бору. Солнечные зайчики весело играли в белоснежных сугробах, а прямые, стройные, золотистые стволы сосен задорно рвались в самое небо.

Перед выездом из леса догнали попутный обоз. Несколько семей тоже ехали в город на ярмарку. Из последних саней обоза на обочину соскочил бородатый мужик в зипуне, и когда их сани поравнялись с ним, тот ловко присел на отвод. Поздоровавшись, бородач расспросил о цели поездки в город, приценился к продуктам, которые везли на продажу. Как бы между прочим, он поинтересовался, что Егоркины родители слышали про Свистуна, какую-то местную нечистую силу. Рассказывают, мол, она недавно поселилась в лесу,

где они только что проехали. Узнав, что родители ничего не знают о Свистуне, предупредил, что ночью тут ездить небезопасно. От этой новости у мальчика сразу испортилось настроение. Радостное воодушевление, бывшее на протяжении всей поездки, мгновенно сменялось тревожным ожиданием беды. Бородач заметил Егоркину тревогу и, лукаво пошморгнув на него, спросил: «Что испужался?» Егорка обиженно отвернулся и промолчал.

За разговорами и не заметили, как въехали в город. Тут бородач соскочил с саней, но почему-то не стал нагонять свою, впереди идущую подводу, а наоборот, отправился в обратный путь к лесу. Егорка удивился, хотел сказать об этом родителям, но раскрывающиеся картины города отвлекли его. Вначале город практически ничем не отличался от обычного села, те же дома с постройками, изгороди из застокола, ворота с калиткой, дым из печных труб над крышами. Затем вдоль дороги стали вырастать сплошные высокие заборы, а на окнах, выходящих на улицу, появились ставни. Центр города встретил их красивыми двухэтажными домами, с узорами на фасадах и черепицей на крыше.

А вот и главная площадь с ярмаркой. Подъехали к конюшням, нашли свободное место. Отец привязал коня к горизонтальной жердине, освободил его рот от удила и попросил сына принести охапку сена из саней. Конь с удовольствием принялся жевать положенное перед его мордой сено.

Ярмарка была в разгаре. Торговля шла и в рядах, и с рук на ходу. Не успели оглядеться, как сани обступили перекупщики, не прошло и пяти минут, как все было продано. Рядом тоже торговали с саней. Там крестьяне, видимо, приехали рано и надолго, они распрягли коней и привязали их с

другой стороны к коновязи, положив перед ними сено. Сани придвинули к коновязи так, что оглобли легли на неё, и разложили товар везде, где можно. На ближайших санях торговали лаптями, они гроздьями висели на оглоблях. На следующих санях продавали корзины, лукошки, кузовки и двуручные крошки разных расцветок и размеров. Далее все пространство возле саней было заставлено деревянными ведрами, бадьями, лоханками и бочками. Именно там усатый мужик купил бадью и предложил её Егоркиной матери взамен той, в которой она привезла квашеную капусту. «Мать, – сказал он, – попаришь можжевельником, лучше старой будет!» Егорка даже улыбнулся, чужой человек, а его мамку матерью назвал! Мать согласилась на замену, и даже обрадовалась и новой бадье, и тому, что быстро продала всю капусту.

Родители, пересчитав вырученные деньги, пошли за покупками. Егорку они оставили сторожить пшеницу и лошадей – воры, карманники и цыгане шныряли тут и там. Мальчик влез в сани, уселся на мешок с пшеницей. С этой высоты хорошо просматривалась вся ярмарка: и ряды, и сцена со скоморохами в центре площади, и вращающаяся карусель, и клоуны на ходулях, и воздушные шары, и лотошники со всякими разнообразными вещами и кулинарными изделиям. Сквозь шум и гам до него доносилась мелодия шарманки. Егорка с нетерпением ждал родителей, чтобы потом самому пройти по ярмарке и окунуться в этот разгул веселья. Все это на время отвлекло его от тревожных мыслей о нечистой силе, и чувство радости, счастья и праздника вновь наполняли его душу.

Мать с отцом вернулись очень быстро. Отец тащил на плече ношу. У матери за спиной висела котомка, а в руках она несла узел из платка. Покупки сложили в сани под цинкову. Присев на краешек саней, мать положила узел на колени и, развязав уголки, развернула платок. Там оказались горячие пончики в сахарной пудре. «Угощайтесь! – сказала мать и, поглядев на сына, добавила, – А ты, Егорка, не обижайся, по ярмарке погулять тебе не удастся, надо ехать на мельницу».

На мельнице произошла заминка, что-то случилось с жерновом. Очередь большая. Мужики ругаются. Все куда-то торопятся. Когда подошёл их черёд, начало смеркаться. Наконец-то отец вынес мешки с мукой, с ним вышел мельник, видимо, чтобы посмотреть, много ли еще посетителей. Мельник был в кожаном фартуке, а на голове был надет холщовый колпак, из-под которого во все стороны торчали белые от муки волосы. Егорка не выдержал, усмехнулся и, толкнув мать в бок, шепотом сказал: «Смотри, какой мельник смешной, волосы от муки седые!» Мельник словно услышал его слова, он злобно сверкнул глазами на Егорку и сказал: «Я-то отмою свои волосы, а ты побелеешь так, что мыло не поможет!» От взгляда и слов мельника у Егорки опять появилось чувство страха, и испортилось настроение. Егорка взглянул на мать, но та помогала отцу и, видимо, не слышала слова мельника.

В обратный путь тронулись уже затемно. Отец пожалел, что не подыскал на ярмарке обратных попутчиков, ехать было бы безопасней. Когда въехали в лес, было уже совсем темно, и лишь за счет белого снега дорогу впереди было видно. Сосновый бор уже не выглядел так привлекательно, как

днем, какая-то зловещая темнота клубилась в глубине, за деревьями. Чувство страха и тревоги в Егоркиной душе усилились, он прижался к матери и старался не смотреть по сторонам, а задрал голову вверх, не моргая, глядел на звезды.

Дорога по сосновому бору показалась Егорке очень длинной, столько мыслей промчалось в его голове! Что хорошего он увидел? Ярмарку из саней? Мельницу? Вспомнился мельник с белой шевелюрой, его злобный взгляд, и холодок пробежал между лопатками. Чем можно похвастаться перед друзьями? Пончиками в сахарной пудре? От утреннего предвкушаемого счастья не осталось и следа. И тут на ум пришла идея рассказать ребятам про нечистую силу, о которой предупреждал бородач в зипуне. Егорка встал на коленки и осмотрелся. Впереди забрезжил спуск в овраг, сосновый бор заканчивался, а нечистая сила не подала ни малейшего признака своего присутствия. Егорка прислушался, никакого свиста не слышно, только скрип снега под полозьями и стук подков коня. Его охватила досада, что тут расскажешь о Свистуне.

Неожиданно для себя, Егорка скинул варежки, вложил в рот четыре пальца, по два на каждой руке, и громко свистнул. Отец с матерью даже вздрогнули. Мать хотела отругать Егорку, но в это время в глубине леса раздался ответный продолжительный свист. Вначале его звук был еле слышен, но постепенно усиливался и приближался. Казалось, что свистящей вот-вот выбежит на дорогу. Волосы на голове Егорки зашевелились от страха. Вдруг все стихло. Отец обернулся к Егорке и сердито спросил: «Ты что, сдурел! Свистуна приманить хочешь?» И тут раздался громкий, леденящий душу голос: «Что испугались? Ха, ха, ха!» Хохот

доносился со всех сторон, и слева, и справа, и сверху. Конь шарахнулся в сторону, едва не перевернув сани, захрипел, и, постоянно озираясь назад, понёсся галопом. Отец пытался притормозить бег коня, двумя руками натягивая вожжи, но конь был неуправляем.

Егорка широко раскрытыми глазами в страхе смотрел по сторонам. Всюду была зловещая темнота, даже звезды пропали. Мать крестилась и читала молитву, до Егорки как в полусне доносились обрывки фраз: «Отче наш... Да придет царствие Твое... избави нас от лукавого...» Егорка заметил какие-то зеленые огоньки на дороге, где они только что проехали. Он дернул мать за рукав и показал ей рукой на дорогу. «Волки! – с ужасом в голосе сказала мать, она постучала по плечу отцу и прокричала, – Волки, волки!» Отец оглянулся и перестал сдерживать бег коня. «Господи помоги! Только бы с моста в овраг не слететь. Ангел, выручай! Прости Господи, вот и у лошади, как у тебя помощи прошу», – шептал он, вглядываясь в сумрак впереди лошади.

Егорка с тревогой подметил, что зеленые огоньки постепенно приближаются. Не успел он сказать об этом матери, как его отвлекло ещё одно событие. В небе появилась очень черная точка. Она быстро увеличивалась и уже через несколько секунд превратилась в большую черную птицу, похожую на коршуна, но гораздо больше и чернее. Черная птица, ни разу не махнув крыльями, двигалась очень быстро и уже через мгновение парила над санями. Егорка не мог оторвать взгляд от птицы, страх сковал все его тело. Вдруг вместо птицы Егорка увидел в небе черную дыру, глубокую, бездонную. Её зияющая пустота засасывала душу Егорки, он перестал дышать, сердце перестало биться. Холод стал за-

полнять его тело, начиная с пяток, залил колени, дошел до живота. Душа из груди стала смещаться в голову, концентрировалась в районе глаз, словно собиралась нырнуть в черную бездну через глазницы.

В этот момент над санями появился белый голубь, он пронесся прямо над головами родителей Егорки и взмыл вверх к черной дыре, которая снова стала птицей. Голубь завис в воздухе, сделал кувырок через голову, словно дразня птицу, и, резко спланировав до земли, полетел в сторону леса. Черная птица захлопала крыльями и понеслась вслед за голубем. Как только черная зияющая дыра в небе исчезла, Егорка, до этого стоящий на коленях, кулем свалился на seno. Мать заметила это и, нагнувшись над ним, увидела, что он не дышит. Она схватила его за плечи и принялась трясти, приговаривая: «Егорка, Егорка, очнись!» Егорка резко и глубоко вздохнул и открыл глаза. Увидев над собой заплаканное лицо матери, с трудом выдавил из себя: «Мама, нечистая сила!» Мать обняла Егорку за голову, прижала к груди и, смахивая с глаз слёзы, стала успокаивать его: «Это волки, это волки, они уже отстали, а ты молись, молись! Проси Бога – Господи помилуй, Господи помилуй, 40 раз попроси! И не бойся, я рядом!»

Немыми, словно опухшими губами Егорка начал шептать молитву, не считая. Мать укрыла его тулупом, от этого Егорка стал согреваться, и не заметил, как уснул. Во сне несколько раз к нему наклонялся бородач. Он лукаво усмехался и спрашивал загробным голосом: «Что, испужался?» и принимался хохотать. Его сменял белый патлатый мельник, который каждый раз сверкал злобными глазами и говорил: «Я-то отмоюсь, а вот тебе и мыло не поможет!» Последним,

кого в бреду увидел Егорка, был дедушка. Он улыбнулся и сказал: «Ну что же ты ко мне не зашёл? А я тебе полушку на гостинцы приготовил. Вот возьми, потом что-нибудь себе на неё купишь», – и положил в ладошку Егорке монетку. «И помни, того кто тебя любит, своим счастьем не обидишь! А сейчас спи, ничего не бойся!» Дед пропал, а над санями взметнулся вверх белый голубь. Ночная мгла словно распахнулась, на небе появилась синяя брешь с белыми облаками, а голубь поднимался всё выше и выше, пока не исчез в её синеве. Небо вновь сомкнулось мглой. Егорка тяжело вздохнул и уснул глубоким сном. А мать, продолжая прижимать его к себе, тихонько приговаривала: «Спи, спи. Всё хорошо!».

Когда подъезжали к дому, мать разбудила Егорку. Было уже утро. Бабушка и тетка отворили ворота. Женщины были очень расстроены. Бабушка, вытирая слёзы, спросила: «Чтой-то вы так запропалились? Дед очень маялся! Ждал, ждал, не дождался... Помер ночью». Отец снял шапку и, сказав: «Царствие ему небесное», перекрестился.

Бабушка добавила: «Всю ночь в руках вертел полушку, никому не отдавал, а когда тело смывали, монетка куда-то пропала. Наверное, с собой её взял!».

Егорка сделал шаг вперед, вытянул руку с раскрытой ладошкой, на которой лежала монетка и сказал: «Это он мне её отдал, на гостинцы». Все с удивлением уставились на монетку. А Егорка продолжал: «Мам, а ведь это дедушка белым голубем спас нас от нечистой силы! Царствие ему небесное!» – и стянув с головы шапку, перекрестился, как это сделал отец. Все с удивлением посмотрели в его сторону и замерли в растерянности – ветер шевелил на его голове белые кудри. Черные, смоляные волосы стали седыми!

Рауза Хузахметова

ДИМКА ХОЧЕТ ПОДРАСТИ

Глава первая. Белые следы

Димка и Ромка сидят на заборе. Они ждут Федыку. Он, конечно, сказал, что не пойдёт купаться, а будет помогать брату копать картошку, но без закадычного дружка идти на речку совсем не хочется. И они ждут, надеясь увидеть в окне дома напротив Федыкину голову – бритую с маленькой чёлочкой.

– А бабушка сегодня беляши будет делать, – задумчиво произнёс Ромка.

Димка сразу же ощутил острый запах жареных беляшей. У него даже нос зачесался!.. Везёт же этому Ромке – у него бабушка есть, беляши ему часто делает и булочки всякие... А у Димки мама целый день на работе и печь ей некогда. Она, конечно, покупает пряники и печенье. Но разве может какое-то печенье сравниться с беляшами, особенно с теми, которые только что сняли со сковородки?! А горячий беляш нужно держать кончиками пальцев, слегка поворачивать, чтобы не обжечься, и откусывать хрустящие румяные бока. А потом немного подуть и откусить большой кусок вместе с сочным мясом. М-м-м!.. Димке даже показалось, что у него полный рот вкусного беляша. На мгновение он прикрыл глаза, покачнулся и слетел с забора.

– Ты чего? – спрыгнул рядом Ромка. – Не хочешь больше ждать?

– Да не выйдет он, – махнул Димка, отгоняя ароматное видение. – Может, тогда вечером пойдём купаться?

Нет, никак не хочется ему идти на речку без Феды. Ромка тоже плохо плавает, а Федька плавает хорошо, с ним не боязно заходить даже на глубину, где Димке «с ручками».

– Ага, – согласился дружок. – Тогда пошли ко мне!

Димка радостно кивнул. Конечно же, он пойдёт! Может, его угостят беляшами. Бабушка у Ромки добрая.

Мальчишки забежали в дом.

– Бабушка-а!.. – повертел головой Ромка. – На огороде, наверное.

– И не пахнет ничем, – потянул носом Димка.

– А!.. Ещё не готово! – не огорчился Ромка. – Пойдём пока поиграем!

Он забежал в комнату и вытащил из стопки книжек сложенную вчетверо картонку.

– В «Барона Мюнхгаузена»?

Это их любимая игра.

– Давай, – согласился Димка, – только, чур, красная фишка моя!

– Нет, моя! – возразил Ромка. – Игра-то – моя!

Он разложил картонку на полу и принёс фишки. Димка обиженно поджал губы. Каждый раз Ромка берёт красную фишку, значит, и ходить будет первым. Но... делать нечего, придётся согласиться.

– Ладно, моя жёлтая, – сказал, разглядывая поле сражения. – Зато я подпрыгну на коне вот сюда! – он указал на середину карты.

– А я сяду на ядро и перелечу во-от сюда! – Ромка описал дугу поближе к верхнему углу, где стоял значок «Конец игры».

– А я... А я... – заспорили мальчишки, не желая уступать.

– Ходи скорей! – сдался Димка.

Ромка потряс в сомкнутых ладонях кубик и бросил на разноцветное поле. Кубик несколько раз перевернулся и пролетел к дивану.

– Ну и бросил! – засмеялся Димка, вскочил и подобрал его. – Четыре! Теперь – я... А что это?

– Где? – Ромка оторвался от карты, не успев сосчитать, сколько нужно сделать ходов, чтобы не свалиться в болото.

– Вот, – присел Димка. – Следы какие-то...

Они склонились над белыми отпечатками. Маленькие, аккуратные – они кружили по комнате и вели к двери.

– Это следы тигра, – немного подумав, сказал Ромка. – Я такие в книжке видел.

Он, конечно, на целый год старше и уже этой осенью пойдёт в школу, но Димка всё же засомневался:

– А разве у нас водятся тигры?

– Ну... тогда это медведь, – предположил Ромка. – Точно!.. У нас же лес рядом! – он даже подскочил от уверенности.

– А почему следы белые и маленькие? – всё ещё сомневался дружок.

Ромка снова присел, разглядывая следы.

– Это маленький белый медведь, – произнёс вдруг шёпотом и так испуганно взглянул на Димку, что все сомнения у него отпали.

Ужасно захотелось побежать пописать. Но Димка забоялся. А вдруг маленький белый медведь подкараулит и нападёт?..

– А где он сейчас? – спросил тоже шёпотом, боясь даже произносить слово «медведь».

Друзья осторожно пошли вдоль белых отпечатков. Следы вели в коридор, там немного попетляли и скрылись за прикрытой дверью.

– Он на кухне, – прошептал Ромка.

Мальчишки со страхом уставились друг на друга и прислушались. В кухне было тихо.

– Давай убежим! – Димке хотелось побыстрее уйти из этого, ставшего опасным, дома.

– Давай!..

Оглядываясь, они на цыпочках направились к выходу. Из-за кухонной двери вдруг послышались какие-то царапающие звуки и грозное рычание.

– Он ест бабушку! – с ужасом воскликнул Ромка, схватил стоявший в углу веник и, подняв над головой, с отчаянным криком бросился на кухню.

Димке совсем не хотел встречаться с медведем, но он боялся отстать от дружка, ведь медведь мог как-нибудь зайти сзади и напасть. Зажмурившись и тоненько пища, он тоже побежал и тут же натолкнулся на остановившегося Ромку. Открыв глаза, осторожно выглянул из-за плеча, боясь увидеть и медведя, и бабушку, которую этот медведь уже начал есть...

На столе стоял Барсик и с урчанием доедал фарш из миски. Увидев мальчишек, кот грузно спрыгнул прямо в кучку просыпанной муки, и не спеша пробежал мимо оторопевших Ромки и Димки, оставляя на полу белые отпечатки, очень похожие на следы маленького белого медведя...

Глава вторая. За земляникой

Сегодня друзья идут в лес за земляникой. Она уже поспела, это им соседка баба Вера сказала. Лес у них рядом – сразу за околлицей. Там каждое лето собирают ягоды, прямо на опушке леса. Вот мальчишки и решили сходить, пока ягоду не обобрали.

– О!.. «Кошачий хлеб»!

Федька присел у заросшего травой забора.

– Какой ещё кошачий хлеб?

Ромка подошёл и увидел зелёные лепёшечки, облепившие тонкие стебли невысокого растения.

– Это же «калачики»! Я их тоже люблю.

– Вон там собирай, это мои! – скомандовал Федька.

Димка сорвал мелкие как семечки лепёшки и стал рассматривать:

– На арбузики похожи... А мне мама сказала, чтобы я на дороге никакие ягоды не собирал. Они ядовитые.

– Это паслён ядовитый, чёрные такие горошки. А «калачики» есть можно. Попробуй! – Ромка протянул целую горсть. – Не хочешь?.. Ладно, земляники наешься.

Они отправились дальше.

– А мне ещё «конский щавель» нравится, кислый такой, – догнал их Федька. – И ещё – муравьиные попки.

– Муравьиные попки?! – округлил глаза Димка.

– Ага... – заулыбался Федька. – Такие кислые, аж скулы сводит! Хочешь попробовать?

Димка отрицательно покачал головой.

– Нет, давайте лучше в муравейник палочки положим, – предложил Ромка. – Они получаются вкусные, как леденцы. Правда-правда! – произнёс с жаром, поймав недоверчи-

вый Димкин взгляд. – Тонкую палочку нужно от кожицы очистить и положить к муравьям. А потом облизать... Такая кисленькая, лучше всякого щавеля! Вот увидишь, нужно только муравейник найти... Давайте поищем!..

Мальчишки уже подошли к лесу и, забыв о землянике, разошлись между деревьями.

– Нашёл! – закричал шустрый Ромка. – Идите сюда!

Димка подбежал и склонился над небольшим муравейником.

– Ух ты-и!..

Небольшой бугорок словно ходил ходуном от множества копошившихся муравьишек. Каждый направлялся в свою сторону и, казалось, был занят каким-то важным делом.

– А! Маленький! – взглянул Федька. – А нам в школе рассказывали, что у муравейника есть подземная часть со всякими ходами. И что все ходы у них на ночь закрываются.

– Вот это да-а!.. – смотрел во все глаза Димка. – Прямо царство!

– Ага, у них и царица есть – большая муравыха! Только её не видно.

– Ой... ой!.. – Димка вскочил и стал стряхивать с ноги муравьёв.

– Отойди подальше, – посоветовал Ромка.

Он уже очистил и положил на муравейник три прутика. Муравьи тут же облепили их. Федька присел рядом на корточки.

– А ещё нам рассказывали, что у каждого муравья есть своё дело.

– Какое? – недоверчиво спросил Ромка.

– Такое!.. – Фёдка посмотрел на него с чувством превосходства. – Одни у них – строители, а другие – нянчатся с малышами.

– Какие строители?! – фыркнул Ромка.

– Да смотри – вон один палочку тащит! – указал Фёдка. – Это они муравейник так строят... А ещё говорили, что они могут поднимать больше своего веса в пятьдесят раз.

– В пятьдесят раз? – не поверил Ромка.

– В пятьдесят раз! – вскочил Фёдка. – Вот пойдёшь в школу, сам узнаешь!

Димка с Ромкой переглянулись.

– Да-а, какие сильные... – уважительно произнёс Димка.

Он топтался на месте, чтобы муравьи не забрались на его босые ноги, и в то же время боялся нечаянно наступить на них. И ещё озирался, ища глазами большую муравью. Интересно, какая она – большая?.. Больше их, что ли?.. А вдруг она захочет напасть и покусать?.. Димке вдруг показалось, что муравейник зашевелился сильнее, и из него, вращая огромными выпуклыми глазами, встала царица-муравья. А пока она поднималась во весь свой исполинский рост, остальные муравьишки скатывались с неё как крошки. Муравья протянула к Димке длинные лапки, он испуганно отшатнулся и... понял, что это ему всего лишь показалось. Он отошёл за Фёдку и хотел получше расспросить его про царицу, но постеснялся и только опасливо смотрел на шевелящуюся кучку.

– Готово!

Ромка достал прутики и стряхнул с них муравьёв. Облизывая прутики, мальчишки пошли обратно. Димка осто-

рожно лизнул свой прутик. Он оказался удивительным на вкус – и кислым, и приятным одновременно. От него трудно было оторваться!

– Ну как? – весело спросил Ромка.

– Здо-рово!.. – восхищённо закивал Димка. – А почему он такой кислый?

– Это муравьиная кислота! – авторитетно заявил Федька. – Понравилось? Может, и муравьиные попки попробуешь? – закатился смехом. – А что, берёшь муравья за голову и сосёшь его попку. Она ещё кислее!

– Он же потом сдохнет?! – возмутился Ромка.

– Ну и что! – отмахнулся Федька.

Выйдя из леса, они шли вдоль картофельного поля.

– Не-ет, я попки не буду, – Димка ещё раз облизнул нектисый уже прутик и бросил в сторону. – Пусть муравьи по своим делам бегут...

Глава третья. Козья ножка

Димка и Ромка идут из магазина и едят мороженое – эскимо на палочке. Ромка уже съел половину, а Димка ест не торопясь. Он осторожно откусывает тонкую шоколадную пластинку, которой облит эскимо, и держит на языке, чтобы она растаяла. Вку-усно-о!.. А потом прижимает язык к нёбу. Так ещё вкуснее!

– Сядем? – Ромка остановился у забора.

– Угу, – кивнул Димка.

Они сели на разогретые на солнце брёвна.

– Ты отдельно шоколад ешь? – фыркнул Ромка.

– Ага... я и вафли так ем – каждый слой отдельно, – ответил довольный Димка. – А ты любишь ва-а... а?.. – оторо-

пело посмотрел вслед соскользнувшему с палочки мороженому. – А-а-а!.. – завопил на всю улицу.

Ромка растерянно уставился на него, а потом на всякий случай подставил под своё эскимо ладошку.

– А-а-а!.. – продолжал вопить Димка, открыв перепачканный шоколадом рот.

– Что ж ты как ор-рёшь?

Димка открыл глаза и сквозь слёзы увидел Федьку.

– Он мороженое уронил, – ответил за него Ромка. – Вон туда, между брёвнами.

Федька присел, разглядывая.

– Да-а... Если бы на траву, можно было бы ещё поковырять, а так – не достанешь.

– Дим, ешь моё, палочка-то у тебя осталась, – протянул ладошку Ромка.

Димка, продолжая всхлипывать, стал есть растаявшее мороженое.

– Чтой-то за шум, ребятишки? – подошёл дед Ерофеич.

– Мороженое уронили, – низким голосом ответил Федька. Он со взрослыми всегда так разговаривал – старался казаться большим.

– А-а, – Ерофеич отложил клюшку и уселся на бревно. – Я вот его и не пробовал. По мне – табачок лучше!

Он похлопал себя по карманам, достал кусок газеты и начал его расправлять.

– Так! Уходим! – подтолкнул мальчишек Федька.

– Куда это вы? – вскинулся дед. – Посидим, поговорим...

– Некогда нам, в школу нужно.

– Так она же закрыта?!

– Объявление прочитать, – Федька быстро направился в сторону.

– Ты чего? – догнал его Ромка.

– Да ну его! – махнул Федька. – Свернёт сейчас «козью ножку» и начнёт дымить. А она такая вонючая! Лучше бы что-нибудь другое курил!

Димка плёлся за ними и горевал о потерянном мороженом. Всё-таки зря он развернул всю обёртку. Нужно было только половину отвернуть, тогда мороженое не упало бы. Да-а... В другой раз он так и сделает. А это эскимо почти целое пропало, он даже весь шоколад не успел объесть!.. У Димки опять навернулись слёзы.

– Ой!..

Он натолкнулся на остановившегося Ромку. Оказывается, они уже подошли к школе.

– А что другое-то? – переспросил Ромка.

– Ну, хотя бы папиросы, – с видом знатока ответил Федька. – Я пробовал! – похвалился. – Сейчас, правда, нельзя ещё курить, а вот стану взрослым – буду! Все взрослые курят.

– А вот и не все! – заспорил Ромка.

– О! Бумажка висит, – Федька увидел объявление и подошёл к закрытой двери. – Внимание! – прочитал громко.

– Ме-е... – отозвалась коза, стоявшая в стороне.

Федька продолжил читать, а Димка уставился на козу. Он заметил, что у неё на шее – верёвка, и что она может ходить только вокруг столбика, к которому привязана. Картины – одна страшнее другой стали тесниться в его воображении... Вот хитрый Ерофеич незаметно подкрадывается к ни-

чего не подозревающей козе и бьёт несчастную своей палкой – вон она какая толстенная!.. Коза падает, а Ерофеич скручивает у неё ножку, а то и все четыре, а потом закуривает и дымит ей, пока она не станет совсем маленькой...

Димка вдруг вспомнил, как Ерофеич однажды ругал его маму за то, что их козочка залезла в чей-то огород и поела рассаду, и кричал, что коз нужно привязывать. Так вот для чего привязывают коз – чтобы к ним было легче подбираться, а потом дымить козьими ножками... Димка покачал головой. Нет, не даст он в обиду их козочку. Придётся вместе с ней гулять, нельзя её одну отпускать. Не-ет...

– ...Общий сбор – на школьной спортплощадке, – дочитал Федька.

– А учитель по физкультуре не курит! – вспомнил Ромка.

– Ну, только он один и не курит, – отмахнулся Федька.

– Зато он – сильнее всех! – не уступал Ромка.

– Не-ет... – медленно произнёс Димка. – Я курить не буду...

Спорщики уставились на него и одновременно спросили:

– Почему?

– Козу жалко...

Глава четвёртая. Зачем жениться?

– Димка-а!.. Ди-им!.. Ди-и-им!..

Ромкин голос не утихал.

– Ну, чего?

Жмурясь от яркого света, Димка высунулся в окно. Улица и небо были залиты солнцем, а за невысоким редень-

ким забором стоял закадычный дружок. Впрочем, не стоял, а ходил ходуном. Казалось, он сейчас выпрыгнет из коротких штанов.

– Всё спишь?! – не унимался Ромка. – Идём скорее! Там уже всё началось!

Димка лениво покачал головой, смахивая остатки утреннего сна.

– Что началось?

– Да ты что, забыл?! – взвился Ромка. – Свадьба!.. Фёдкин брат женится!

Сонную пелену будто ветром сдуло. Как?! Как он мог забыть? Сегодня же Фёдкин брат женится!.. Димка слетел с подоконника, не успев даже крикнуть «сейчас!». Но дружок и так понял и, довольный, повернулся к дому напротив. Там уже, оформляя машины цветами и лентами, сустились и весело галдели нарядно одетые соседи.

Димка торопливо одевался, ругая себя за то, что совсем забыл о таком важном событии, и не попросил маму, чтобы она разбудила его перед уходом на работу. А теперь он пропустит самое главное!.. И пуговицы, как нарочно, неправильно застёгиваются! Ладно, на ходу можно переделать!..

Пробегая мимо стола, Димка увидел оставленные ему стакан молока и булочку. И невольно замедлил шаг. Может, он не всё ещё пропустил? Может, успеет поесть? Такую румяную булочку и оставлять-то жалко. Да она и засохнет!.. Димка принялся торопливо жевать.

– Димка-а! Скоро ты там?! – донеслось с улицы.

Димка поставил стакан и бросился к двери.

– Наконец-то! – проворчал Ромка. – Самое интересное не пропустить бы!

– А что – самое интересное? – на ходу уточнил Димка.

– Ну-у... свадьба, – неопределённо ответил Ромка. – Брат у Федьки женится!

– А зачем он женится?

– Зачем?.. – Ромка взглянул на дружка. – У тебя рубашка неправильно застёгнута.

Димка вспомнил про пуговицы, остановился и начал их расстёгивать и застёгивать по-другому.

– Зачем женится-то?

Ромка в раздумье прошёлся кругом.

– Не знаю... – пожал плечами.

Мимо проковылял соседский дед Демидыч.

– Вы что, ребята, стоите? – спросил задорно. – Бегите вон на свадьбу поглядеть, Егор женится!

– Дед Демидыч, а зачем он женится? – крикнул вдогонку Ромка.

– Дурак, вот и женится! – кинул дед, не оборачиваясь.

Мальчишки переглянулись.

– Разве Федькин брат дурак? – удивился Димка.

– Не-ет, не может быть, – протянул Ромка. – Он же во флоте служил... Да врёт всё старый! – махнул сердито.

Молодая пара уже усаживалась в первую машину. Во вторую с весёлым гомоном набились парни и девушки.

– Ну, в добрый час!.. Счастливо!.. – посыпалось с разных сторон.

Весело погудев, машины тронулись с места.

– Куда это они? – Димка проводил их взглядом.

– Распишутся, а потом вернутся. Дома будут гулять, – повернулась словоохотливая соседка Матвеевна. – Ладно

ещё, в ресторане не стали гулять, сколько денег просадили бы! Эх, молодёжь!..

– Да и жениться-то можно было погодить, – подхватила какая-то незнакомая тётка. – Молодой ещё, только вернулся... Огляделся бы, девок – пруд пруди, выбирай да выбирай!

– И так ещё – холостым можно было погулять, – поддакнул стоявший рядом мужичок. – Женишься – потом не разженишься.

Димка с Ромкой переглянулись.

– Это кто? – зашептал Димка.

– Похоже, приезжие... Или родственники... Федьки что-то не видно, – завертел головой Ромка. – Можно пока малину пощипать. Пойдём, я вон там спелую видел, – направился в сторону.

– А не заругают? – пошёл за ним Димка.

– Не-е, сейчас все на свадьбу собрались... Вон висит, смотри, какая красная! – Ромка остановился у высокого забора.

Мальчишки потянулись за малиной, протискивая узенькие ладони между дощечками забора. Назад рука с ягодой проходила хуже. Малина давилась, но была такая вкусная – сладкая, с острым ароматом, что хотелось съесть ещё и ещё...

– Всё, красных не осталось, – оглядел кусты Ромка.

– Ага, и розовых тоже, – облизывая ладошки, подтвердил Димка.

Они пошли обратно. Среди праздничной толпы стоял Федька – напряжённый, с красным лицом и держал туесок.

– Фёдка! – подскочил Ромка. – Вот ты где! Поздравляю!

– Поздравляю, – подошёл Димка.

– Было бы с чем, – недовольно буркнул Фёдка и поводил шеей в тесном воротничке белой рубашки.

– А ты что, не рад? – решил уточнить Димка.

– Чему?! – рявкнул Фёдка. – Теперь брата и на рыбалку-то не дозовёшься! Так и будет вертеться около своей не-ве-сты, – презрительно скривил губы.

– Это точно! Теперь она всех вас построит! – хохотнул за спиной верзила.

– Как построит? – обернулся Ромка.

В ответ стоявшие рядом парни раскололись смехом. Димка и Ромка переглянулись и с сочувствием уставились на дружка.

– Ни за что не женюсь! – насупился Фёдка.

– А что это у тебя? – заглянул в туесок Ромка.

– Хмель... Мамка дала поддержать. Сейчас молодые придут, будут их осыпать.

– Зачем? – не понял Димка.

Фёдка молча пожал плечами.

– Едут!..

Снова началась весёлая суета. Сначала молодых поздравляли на улице, потом они в сопровождении гостей прошли в дом и долго рассаживались за столом. Деревенская малышня и подростки облепили открытые окна и смотрели за гулянием.

– Горько! Го-орько!.. – закричали гости.

Жених и невеста встали и словно нехотя поцеловались. Ромка фыркнул:

– Вот ещё – целоваться!

– А почему все кричат «горько»? – спросил Димка.

Ромка скорчил физиономию, означавшую «не знаю».

«Может, у неё помада горькая, вот он и не хочет целоваться», – подумал Димка, глядя на жениха и невесту. Он вспомнил, как однажды намазал себе губы маминой помадой, а она оказалась такой горькой! Может, и у невесты помада горькая?..

– Горько! – не унимались гости. – Горь-ка-а!..

Жених и невеста всякий раз вставали и целовались. А Димка смотрел на них и думал: «Бедный Федькин брат! И зачем он только женится?..»

Глава пятая. Фокус на стене

– Хорошая сказка, – дослушав, Димка взял книжку, и стал разглядывать рисунки. – Мам, а у нас могут быть такие солнечные зайчики?

– Хочешь на них посмотреть? – улыбнулась она.

– Ага, как они сидят и дрожат.

– Ну что ж, давай посмотрим!

Мама достала из сумочки круглое зеркальце и подошла к залитому светом подоконнику. Потом поймала солнечный луч и направила на стенку.

– О-о!.. – радостно округлил глаза Димка. – Зайчик!.. Я его потрогаю?

Он вскочил и стал шлёпать по стене ладонями. Мама водила зеркальцем, и светлый кружок так и прыгал вокруг. Димка весело гонялся за ним и, наконец, поймал.

– Мам, а можно я так с друзьями поиграю?

– Можно.

Довольный Димка взял зеркальце и выбежал из дома. Так!.. Куда пойти – к Ромке или Федыке? Он посмотрел по сторонам и решил: Федыка ближе. Димка подбежал к дому, повертел зеркальцем и направил солнечный луч в раскрытое окно. Потом в другое, в третье... И заулыбался, представляя, как Федыка сейчас гоняется за солнечным зайчиком... Но что такое?.. Из окна высунулась Федыкина мать и погрозила:

– Я тебе! Ну-ка брось хулиганить!

Озадаченный Димка опустил руку. Из дома вышел Федыка.

– Что это у тебя?

– Зеркальце... Мы с мамой в солнечных зайчиков играли.

– Ну-ка! – взял зеркальце Федыка. – Таким «зайчиком» можно дом поджечь.

– Дом поджечь?

Димка оторопел и уставился на дружка. А он поймал солнечный луч и стал водить им по забору, дорожке и по курам, которые неторопливо ходили в стороне, не обращая ни на кого внимания. Потом подставил ладонь.

– Хорошо греет! Так можно и огонь добыть... А давай попробуем! – взглянул весело.

Димка нерешительно потоптался, вспомнив сердитый голос тётки Настасьи.

– Стой! Сейчас бумагу вынесу! – Федыка скрылся за дверью и тут же вышел с газетой. – Та-ак! – скомкал газету и навёл на неё зеркальцем луч.

Оба склонились и замерли в ожидании.

– А что это у вас? – подбежал Ромка.

– Газету поджигаем, – поднял голову Димка.

– Ну-у, с таким маленьким зеркалом долго придётся ждать, – махнул Ромка. – Нужно большое!

– Большое? Сейчас вынесу!

Федька побегал домой и вынес настенное зеркало.

– Во! – произнёс торжествующе. – Сейчас как запалим!

Димка с Ромкой переглянулись.

– Да-а... – протянул Димка. – Это – совсем другое дело!

– Ещё бы! – Федька склонился над газетой. – Теперь загорится!..

Димка смотрел на газету и ждал, что она вот-вот загорится. А потом поднимется большой огонь, который вдруг перекинется на Федькин дом. И выбежит тётка Настасья и станет кричать, схватившись за голову. А вокруг побегут люди, и громко загудит пожарная машина... Он с испугом взглянул на радостного Федьку.

– Сейчас как запылеха... а... ай!.. а-ай!.. – завопил тот, поднимаясь вслед за рукой, крепко ухватившей его ухо.

Димка и Ромка раскрыли рты от изумления. Рядом стояла грозная тётка Настасья.

– Ты что же, дом хочешь спалить? Я тебе покажу, паразит!

Подхватив зеркало, она повела Федьку за ухо домой.

– А вы – брысь отсюда! И чтоб я вас больше здесь не видела! – на ходу обернулась к мальчишкам.

Они бросились в разные стороны...

Димка, запыхавшись, забежал домой.

– Что такое? – взглянула мама.

Димка перевёл дух и подошёл:

– Нас тётка Настасья поругала.

– За что?

– Мы хотели газету поджечь... Зеркалом.

Мама недовольно покачала головой.

– Это не игра... Солнечный луч может быть опасным.

– Мам, ну мы же с тобой играли! – воскликнул Димка.

Мама улыбнулась и погладила его по голове.

– Дай-ка мне зеркальце!

Она спрятала его в сумочку, а потом взяла большую стеклянную чашку, налила в неё воды и поставила на подоконник. Солнечный луч, отразившись в воде, брызнул на стены светлыми пятнами.

– Вот тебе и солнечные зайчики!.. А сейчас они побегут!

Мама подула в чашку с водой, и светлые пятна, задрожав, побежали по стене и потолку.

– О-о-о, как здорово! – восторженно закричал Димка.
– Мам, это ведь неопасные солнечные зайчики?

– Это совершенно неопасные и весёлые зайчики, которые могут сидеть и даже бегать по дому, – подтвердила она. – Фокус на стене!

– А можно я кому-нибудь покажу их?

– Конечно!

– Фокус на стене, – произнёс довольный Димка и подул в чашку с водой.

Глава шестая. Торжественная линейка

Сегодня Ромка идёт в первый класс. Димка уже с утра прибежал к нему, чтобы проводить в школу. И теперь терпеливо ждёт, когда дружок соберётся, и с завистью разглядыва-

ет новенький портфель, который тот расхваливает на все лады...

– А вот ещё одно отделение, это для тетрадок, чтобы они отдельно от учебников лежали... И пенал купили! – Ромка торопливо раскрыл новенький деревянный пенал. – Смотри: специальные отделения для ручки и карандаша, и место для стёрки есть! И стёрочка новенькая, вот! – повертел, показывая. – И линейка, смотри какая!.. И маленькие ножницы для уроков труда!

Димка взглянул на сиявшего от радости друга и вздохнул. Да-а... Хорошо Ромке, он сегодня в школу пойдёт. А Димке ещё целый год ждать придётся!.. Зато потом у него тоже будет новенький портфель с блестящим замочком! И пенал, и тетрадки, и дневник... Конечно будут, мама ему тоже всё купит!

– А тебе на следующий год тоже купят, не переживай, – будто прочитал мысли Ромка.

Димка благодарно улыбнулся за дружескую поддержку. В белой рубашке и брюках, приобретённых специально к этому дню, коротко подстриженный Ромка казался почти взрослым.

– Идёшь? – в дверях появился Федька. – Да ты ещё не собрался!.. – протянул разочарованно и подошёл к столу. – Хм, какая у тебя линейка – маленькая и простая.

– Почему это простая? – вскинулся Ромка.

– Конечно, простая! А у меня есть логарифмическая, – похвалился Федька. – Брат отдал! Насовсем!

– Ло... какая? – переспросил Ромка, складывая вещи в портфель.

– Логарифмическая! Сложная, у неё целых три шкалы! И делать на ней можно всё, даже умножать! А на твоей – только измерять.

– Умножа-ать?.. Врёшь! – не поверил Ромка.

Димка с уважением взглянул на дружков. Да-а... Поскорее нужно будет ему пойти в школу. Тогда он тоже всё будет знать. И даже поспорить с ними сможет...

– А вот и не вру! На ней и делить можно!

– Покажешь? – всё ещё сомневаясь, спросил Ромка.

– Ну-у... Я и сам ещё не умею, – прошёлся вокруг стола Фёдка. – Но потом покажу.

В комнату вошла нарядная Ромкина сестра.

– Собирайся быстрее, а то на торжественную «линейку» опоздаем! – обратилась к брату.

– Ну и банты у тебя! – фыркнул Фёдка, взглянув на одноклассницу. – Гузель-мамзель... Гузелька-мамзелька! – начал корчить рожи. – И косы у тебя слишком длинные. Давай отрежу!

Он взял ножницы и угрожающе поднёс к косичке.

– Не отрежешь! – даже не взглянула на него Гузель.

Фёдка щёлкнул ножницами, и косичка с пышным белым бантом упала на пол.

– А-а!.. – одновременно вдохнули Димка с Ромкой и оторопело уставились сначала на бант, а потом друг на друга.

– А-а... – с ужасом взглянула Гузель. – Ма-а!.. – бросилась из комнаты с отчаянным воплем.

Фёдка, услышав громкий голос Ромкиной матери, бросил ножницы и выскочил из дома. Постояв с открытым ртом, Димка сообразил, что сейчас вместо Фёдки может достаться ему, и тоже кинулся бежать.

Он испуганно мчался к своему дому, боясь оглянуться и увидеть за собой погоню. И с ужасом представлял, как Ромкина мама с ножницами в одной руке и отрезанной косичкой с бантом в другой догоняет его. А за ней с воплем бежит Гузель и вся Ромкина родня... Конечно, они помчатся за Димкой, Федьку-то они не догонят!.. Добежав до своего дома, оглянулся. Никого!

Запыхавшийся Димка стоял, переводя дух, и вдруг вспомнил, что собирался посмотреть, как Ромка пойдёт в первый класс!.. Он немного потоптался в нерешительности. Конечно, с Ромкиной мамой сталкиваться не хотелось... Но ему обязательно нужно посмотреть и на Ромку, и на какую-то особенную, торжественную линейку! Тогда на всякий случай нужно будет бежать к школе огородами...

Димка помчался в другую сторону. Да-а... Теперь придётся делать большой круг. И всё из-за этого дурака Федьки! И зачем он только отрезал косичку?! И попадёт же ему теперь – и от своей мамки, и от Ромкиной! И Димка из-за него опоздает к началу праздника, и эту торжественную линейку не увидит!.. А она, наверное, большая и повязана нарядными бантами, а может даже и разноцветными шарами. Её, наверное, всем торжественно покажут, а потом отпустят, и она торжественно полетит в небо... Может, удастся её увидеть, ну хотя бы в небе?! Димка прибавил скорости...

Он уже пробежал мимо речки, которая протекала недалеко от школы, но занятый мыслями, не обратил внимания на стайку гусей, направлявшихся к воде. И опомнился, когда большой носатый гусак предупреждающе гакнул и распушил крылья. Димка испуганно ойкнул и шарахнулся в сторону, а гусак, видимо, желая усилить эффект – посильнее напугать

мальчишку или покрасоваться перед своими сородичами, погнался за ним, громко гогоча и вытягивая шею. Димка помчался со всех ног, но гусак не отставал. Вся стая загалдела, подбадривая своего смелого предводителя, и Димке со страху показалось, что за ним бегут все гуси. Вот сейчас они его догонят, окружают и защилят своими страшными клювами!.. А то ещё поднимут и унесут на крыльях куда-нибудь за лес!..

– А-а-а!.. – завопил вконец перепуганный Димка, подбегая к празднично одетой толпе, окружившей спортивную площадку.

Его голос слился с звуком школьного звонка, который оповестил собравшихся о начале учебного года. Все захлопали в ладоши. Подбежав к взрослым, Димка обернулся. Гусак давно отстал и, недовольно ворча, возвращался к своей стае. Димка нырнул в толпу и выбился в первый ряд. Старшеклассники и взрослые продолжали хлопать, а нарядные первоклассники совершали почётный круг и парами направлялись в школу. Мимо прошёл сияющий и взволнованный Ромка. Он держал за руку какую-то девочку и совсем не заметил друга. А Димка облегчённо и радостно вздохнул.

«Успе-ел!...»

Глава седьмая. Воскресный день

Сегодня – воскресенье. Целую неделю Димка с нетерпением ждал этого дня, когда у закадычного друга Ромки закончатся занятия в школе, и можно будет с ним встретиться. И вот, сделав все домашние задания, Ромка прибежал, и теперь они сидят за столом и старательно разрисовывают разукрашки новенькими блестящими красками. Димка то и дело радостно взглядывает на товарища. Ему только

немножко жаль, что Ромка торопится и небрежно окунает кисточку в стаканчик с водой – вот уже весь стол закапал разноцветными каплями.

– Эй, пацаны!

В открытом окне появилась рыжая голова.

– Кто – со мной в магазин?

Федька подтянулся и сел на подоконнике.

– У него – краски новые! – с восторгом произнёс Ромка, показывая коробочку.

– И разукрашки, – довольно добавил Димка. – Мне мама на работе распечатала. На принтере! – похвалился.

– Подумаешь – на принтере, – протянул Федька. – Ну-ка, покажи!

– Вот, человек-паук! А вот ещё и ещё!.. А у него – машинки.

– Да ну-у, – скорчил физиономию Федька. – Чёрно-белые распечатки... Вот если бы они сразу цветными были! Или на 3D принтере распечатанные, тогда – другое дело.

– На каком дэ-принтере? – оторвался от рисунка Ромка.

– Три, – добавил Димка.

– 3D принтер! Сейчас такие принтеры есть, распечатывают всё в объёме, мне брат рассказывал, – важно пояснил Федька.

– Как в объёме? – заинтересовался Ромка.

– Так! Чтобы предмет получился как настоящий. Вон как тот солдатик – во весь рост!

– Прямо так?! – поразился Ромка. – Не может быть.

– Ещё как может!.. И не только маленькие фигурки, а даже дом на таком принтере можно распечатать!

– Настоящий дом? – переспросил Димка.

– Настоящий!

Димка и Ромка переглянулись и уставились на товарища, сообщившего такое удивительное известие. А он задрал нос и посмотрел в потолок, наслаждаясь произведённым эффектом.

– Ну, кто со мной? – спохватился.

Димка и Ромка молча покачали головами, продолжая сидеть, как зачарованные, и оставаясь под впечатлением об удивительном известии.

– Ладно, я пошёл!

Спрыгивая, Федька махнул сеткой-авоськой и зацепил стоявший на подоконнике цветок. Горшок со стуком упал на пол и разлетелся, рассыпав землю. Димка и Ромка снова переглянулись.

«Теперь от мамы попадёт», – думал Димка, глядя на пол. Две новости – одна за другой поразили его воображение. Ему очень хотелось подумать о каком-то неизвестном принтере, на котором можно распечатать целый дом, но другая новость была сейчас важнее. Нужно было скорее решить – что делать с этим разбившимся горшком, ведь скоро придёт мама...

– Да-а, что скажет твоя мама? – прочитал его мысли дружок и подошёл к горшку. – Может склеить?

– У меня нет клея, – огорчённо произнёс Димка.

– Тогда давай выбросим! И цветок тоже, всё равно он сломался.

– Мама заметит, у нас только один цветок... Нет, придётся всё рассказать!

Ромка сочувственно посмотрел на товарища.

– А давай я сбегая домой и принесу такой же, у нас их полно! А это всё спрячем!

– Думаешь, не заметит? – с надеждой взглянул Димка.

– Нет, конечно! – Ромка бросился к двери. – А ты пока собери всё в пакет! – крикнул на ходу.

Димка бросился искать пакет, а потом стал складывать в него разбитый горшок. Он торопился, а земля, как нарочно, снова рассыпалась на полу. «Ну как же махнул этот Федька своей авоськой! Из-за него теперь от мамы попадёт!..» – огорчённо думал Димка, но всё же рассердиться на товарища никак не мог, ведь он сообщил такое удивительное известие!..

– Ну что, собрал? – вбежал Ромка. – Эх! – кинулся помогать.

– А где мы это спрячем? – Димка смотрел, как он торопливо разметает остатки земли по сторонам.

– Нужно подальше отнести и выбросить... Вот, смотри, такой же принёс, – Ромка поставил горшок с цветком на подоконник.

– Ага-а, – благодарно кивнул Димка, а сам подумал, что у них цветок был белый, а Ромка принёс красный. И что мама, конечно, это заметит. Но ему не хотелось огорчать друга, ведь он так старался его выручить!

– Ну, пойдём!

Они побежали за огороды. Там Ромка спрятал пакет за большим кустом лопуха.

– Вот и всё! – произнёс довольно.

И так радостно заулыбался, что Димка облегчённо вздохнул и просиял: действительно, всё!.. Друзья повернули к дому. Ромка шёл, посвистывая и помахивая большим ли-

стом лопуха, а Димка мысленно вернулся к первой удивительной новости. Он попытался представить – как выглядит этот особенный принтер, ведь он должен быть больше дома?.. И как он распечатывает этот дом – сверху или снизу? А может, сбоку?

– Ты думаешь, Федька не наврал?

– Не знаю... – сразу понял Ромка. – У Гузельки спрошу или в энциклопедии почитаю. Мне книжку такую подарили! – похвалился. – Там много интересного написано.

Димка с завистью взглянул на него. Да-а, надо поскорее научиться как следует читать!..

– О! Ерофеич бычка вывел погулять, – указал Ромка. – А давай его подразним?

– Кого, Ерофеича? – не понял Димка.

– Да бычка-а! По телевизору показывали, как в какой-то стране даже праздник такой есть! Там в круг выводят большущего быка, а потом выходит один человек – тореро и дразнит его красной тряпкой и говорит: «Торро, торро!» – произнёс Ромка с азартом. – Давай попробуем?!

– Да ну! Я боюсь быков, – отказался Димка.

– Ну, давай тогда сами так поиграем. Ты будешь бык, а я – тореро с красной тряпкой! – он помахал листом лопуха. – Нападай!

Димка бросился вперёд, но дружок увернулся и отбежал в сторону.

– Торро! Торро!

Началась весёлая беготня. Димка старался догнать неуловимого Ромку, а сам опасливо поглядывал в сторону бычка – вдруг он решит, будто «торро» кричат для него и

подбежит?.. Но бычок лишь изредка поглядывал на развеселившихся мальчишек и продолжал жевать жвачку.

– Всё, я победил! – Ромка выбросил истрёпанный лопух.

– Почему? – не огорчился Димка.

– Ты меня не догнал! Ура-а!

Ромка помчался по тропинке, победно потрясая руками, и Димка бросился за ним. Он бежал и радостно думал – как же хорошо, что у него есть дружок Ромка! И что им так весело играть! И что они вместе будут гулять ещё целый день!..

Глава восьмая. Скоро придёт зима

Поёживаясь от холодного осеннего ветра, Димка прохаживался вдоль забора. Ну, где же этот Ромка?! Так и весь праздник пройдёт без них!..

– Наконец-то!

Мальчишки забежали во двор Федькиного дома.

– Ты что подаришь? – поинтересовался Ромка.

– «Котёнок по имени Гав», – Димка раскрыл книжку.

– Видишь, сколько здесь рисунков! А ты?

– Циркуль.

– Ци-иркуль?!

– Ага, – Ромка развернул простенький футляр. – Смотри: вот сюда вставляешь карандаш и вот так...

– Ой! – уколовшись, отдёргнул руку Димка.

– ...И вот так чертишь круг.

Димка уважительно взглянул на друга: какой хороший подарок!

Они зашли в дом. За столом сидел именинник и вся его родня. Взрослые о чём-то спорили, а Федька явно скучал. Увидев друзей, он поспешно вылез из-за стола.

– С днём рождения! – Димка радостно протянул книжку.

– Хм, для малышни... – разочарованно произнёс Федька.

– А я принёс циркуль, – похвалился Ромка.

– Подумаешь, циркуль! Мне брат сноускейт подарил!

Димка и Ромка переглянулись.

– Сноу... что?

– Сноускейт – доска такая, по снегу кататься. Пойдём, покажу! – Федька направился в сени.

Друзья побросали куртки и поспешили за ним.

– Куда же вы? А торт?.. – вышла из комнаты тётка Настасья.

Забыв про угощение, мальчишки долго рассматривали удивительный подарок, а именинник с видом знатока рассказывал об особенностях сноускейта и его преимуществах перед другими способами катания по снегу. И отвечал на бесчисленные вопросы.

«Да-а, вот это подарок!.. – восторженно думал Димка, проводя ладошкой по полированной поверхности доски и красивым закруглённым краям. – Как же на ней катаются?..»

Ромка словно подслушал его мысли.

– А как на ней кататься? Сидя?

– Сидя, – презрительно фыркнул Федька. – Это ж не санки!.. Стоя! Видишь, специальное резиновое покрытие, чтобы ноги не скользили... Эх, скорей бы снег выпал!

– Здо-орово! Дашь покататься?

– Да ты что?! Доска такая дорогая! – Федька отставил сноускейт в сторону. – Сломаешь ещё! Всё, идём есть торт!..

По дороге домой Ромка молчал, а потом повернулся и сказал:

– Мы с папкой такую сами сделаем!..

В выходной день Димка так и не дождавшись друга, побежал к нему. Ромка встретил его обрадованно, схватил за руку и потащил в сарай.

– Смотри!

Димка начал озиаться, пытаясь увидеть что-то необычное.

– Ну, вот же! – подвёл его к верстаку дружок. – Мы с папой сноускейт делаем. Уже вырезали фигуру и отшлифовали бока наждачной бумагой, – начал торопливо рассказывать. – Ещё нужно загнуть вверх края, чтобы не зачерпывали снег. А когда всё будет готово, покрасим и покроем лаком.

У Димки не было слов от восхищения. Да-а, молодец Ромка, и его папа – молодец!

– А потом приклеим вот этот коврик. Жалко, что у меня только один, – огорчённо произнёс дружок.

– А сколько нужно?

– Два – вот сюда и сюда, чтобы ноги не скользили. Это я у Гузельки выпросил – коврик для мышки.

Димка оторопел. Коврик для мышки?.. Это что же – они своим мышкам коврики стелют?.. Зачем? Чтобы у них лапки не мёрзли?.. Он представил, как на маленький коврик со всех сторон сбегаются мышки. «А если им не хватит места на коврике? Вдруг они начнут забираться на ноги?!» Димка испуганно посмотрел по сторонам.

– Да для компьютерной мышки! – рассмеялся Ромка.

– А-а!.. Так, значит, нужно два коврика? Давай, я у мамы попрошу, – Димке очень хотелось поучаствовать в интересном и важном деле.

– А я тебе дам покататься, – пообещал довольный дружок...

Димка забежал домой и с порога закричал:

– Мам, ты можешь купить коврик для мышки?

Не раздеваясь, он начал горячо упрашивать и объяснять, зачем ему нужен этот коврик.

– Хорошо, – мама сняла с него шапку и пригладила светлые вихры...

Вечером Димка стоял у окна, глядя как в свете фонаря падают редкие ещё снежинки. А потом долго лежал в кровати, улыбаясь и представляя, что скоро будет много снега, и они пойдут на горку кататься. И конечно, позовут с собой и Сашку, и Каримчика, и Никитку, и Светку, и Динку, и всех-всех-всех... Первым на новенькой доске с криком «Эгей!» помчится Федька. Потом на своей тоже красивой доске, сверкая глазами и радостно крича: «Э-е-ей!», скатится Ромка. А потом прокатится и Димка... Сначала, конечно, сидя, чтобы не страшно было. Во второй раз – чуть-чуть привстав, чтобы привыкнуть. А в третий – уже стоя на ногах. А в конце горы, когда совсем спустится, он тоже будет кричать во весь голос: «Эй! Эй!» и победно потрясать руками...

Засыпая, Димка успел подумать: «Хорошо, что скоро придёт зима...»

Литературно-художественное издание

ДЕСЯТЬ СКАЗОК С ЛАДОШКУ

Сборник работ участников
Международного литературного конкурса
малой прозы «ЭтноПеро» 2022
Номинация «Литература для детей»

Составитель: Елена Николаевна Бондаренко
Ответственный за выпуск: Ольга Ивановна Калинина

Государственное бюджетное учреждение
культуры Свердловской области «Свердловская
областная межнациональная библиотека»
620146, г. Екатеринбург, ул. Академика Бардина, 28
Тел.: +7 (343) 211-07-00, сайт: www.somb.ru

Подписано в печать ____ . ____ . ____ г.
Формат бумаги 60×84 1/16. Гарнитура ____.
Бумага офсетная. Печать плоская.
Усл. печ. л. ____ . Заказ ____ . Тираж 250 экз.

Отпечатано в ООО Универсальная
Типография «Альфа Принт»
620049, г. Екатеринбург, переулок Автоматики, 2ж.
Тел.: 8 (800) 300-16-00; сайт: www.alfaprint24.ru